

АННА РИЯ

ЗЛОДЕЙКА ПО НЕВОЛЕ

ИЛИ КАК СТАТЬ КОРОЛЕВОЙ
БЕЗ КОРОЛЯ

ИСКУССТВО
МАНИПУЛЯЦИИ

КАК ЗАВОЕВАТЬ
ПРЕСТОЛ ПИРОЖКОМ

РЕЦЕПТЫ ПИРОЖКОВ

Анна Рия

Злодейка поневоле или как стать королевой без короля

<https://litres.ru/74445828>

Аннотация

Умереть в своей квартире и очнуться в чужой постели? Мечта. Если только эта постель не принадлежит женщине, которую полкоролевства мечтает придушить.

Когда я очнулась в теле Розы, за мной уже охотились. Принц, чья любовь граничит с безумием, верит, что я — его потерянная невеста. Капитан-дракон, связанный клятвой с короной, знает, что Розы больше нет, — но молчит. А ведьма, которой я доверяла, уже подлила мне яд в чай.

Тело Розы помнит то, чего не знаю я: рецепты, прикосновения, тайну, способную разрушить оба мира. Чтобы вернуть свою жизнь, мне придётся разгадать её смерть. Иначе следующей жертвой стану я сама.

В тексте есть:

♥# Химия на грани: когда от одного взгляда искрят камни.

Уголёк: кот, у которого самомнения больше, чем у всей гвардии.

Тайна Розы: кто на самом деле вытряс из неё душу?

Магическая кухня: выпечка, которая лечит (или калечит).

Капитан-дракон: властный, опасный и чертовски горячий.

Путь к трону: как из «отравительницы» превратиться в ту, перед кем склонят головы.

Жаркие сцены.

Однотомник | ХЭ | ⚡#

Не забывай ставить ЗВЁЗДОЧКУ ☆# и добавлять В
БИБЛИОТЕКУ

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	48
Глава 9	53
Глава 10	62
Глава 11	75
Глава 12	88
Глава 13	96
Глава 14	104
Глава 15	111
Глава 16	117
Глава 17	127
Глава 18	137
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Глава 1

— Хайди, просыпайся!

Голос прозвучал прямо над ухом.

— Хайди, я серьёзно. Если ты сейчас не откроешь глаза, я расцарапаю тебе лицо. И поверь, в этом мире пластической хирургии ещё не придумали.

«Это уже перебор».

— Замолчи, — прохрипела я, не разлепляя глаз.

Голос был чужим. Низким, грудным, с мягкой хрипотцой.

«Это не мой голос»

— Дай мне... дай мне поспать...

— Поспать? Ты в отключке уже два дня! И, кстати, поздравляю. У тебя выросли сиськи. Причём весьма заметно.

Подъём вышел резким — подол длинного платья тут же спутал ноги, и лоб со всего размаху впечатался в стену.

Каменная, ледяная кладка, пахнувшая сыростью — привела меня в чувство очень быстро.

— Платье?! — прошипела я, потирая ушиб. — Я что, теперь сплю в каком-то реквизите?

— Ну наконец-то, прочухалась, — раздался ехидный голос снизу.

Я опустила глаза, потирая ушибленный лоб.

На грязном полу сидел кот.

Огромный, рыжий, с наглой мордой и ушами торчком.

— Уголёк? — прошептала я, сползая по стене обратно на пол. — Ты... разговариваешь?

— А ты думала, я просто так орал тебе в ухо в три часа ночи все эти годы? — Кот зевнул, демонстрируя клыки размером с небольшие кинжалы. — Я всю жизнь пытался до тебя достучаться, просто вы, люди, тупее пробки.

Рука поднялась сама — тонкие аристократичные пальцы с остатками чёрного лака на ногтях и массивными кольцами. Не моя рука. Моя была с обломанным маникюром и вечно мозолистая от руля.

Рывок — и я уже у мутного осколка зеркала.

Оттуда смотрела просто богиня. Пухлые губы, брови в разлёт и синяки под глазами — то ли от недосыпа, то ли от тёмной магии. Волосы чёрные до пояса.

— Уголёк, — выдавила я, касаясь пальцами чужой скулы. — Кажется, я умерла. И меня заселили в тело порочной вдовы какого-то графа.

— Это плохо, — кот приблизился, деловито обнюхал подол. — Во-первых, это значит, что я, судя по всему, тоже мёртв, раз торчу в этом клоповнике. А во-вторых... тихо и медленно повернись. Посмотри, КТО делил с тобой подушку.

Я обернулась.

Рядом со мной на кровати лежал полуголый мужчина. Он перевернулся на спину, и внезапно из его приоткрытого рта вырвался крошечный, ярко-золотистый язычок пламени.

Лизнул воздух и исчез.

— Обалдеть, — выдохнула я. — Это что ещё за чудо?

— Что-то мне подсказывает, что нам нужно делать лапы, пока это чудовище не проснулось и не решила проверить, насколько хорошо ты горишь.

На цыпочках, придерживая подол, за котом двинулась и я.

Дверь предательски скрипнула.

— Эй, ты куда, красавица? — раздался сзади хриплый бас, от которого у меня волосы на загривке встали дыбом.

Я не стала оборачиваться. Я просто рванула с места.

* * *

Улица встретила меня запахом кислой капусты и конского навоза.

Не город, а каменный лабиринт, уходящий довольно высоко в серое небо.

С балконов свисало тряпье, под ногами чавкала грязь вперемишку с... лучше не думать, с чем.

— Красота, — прокомментировал Уголёк, прижимая уши к голове. — Прямо как твой родной район, только вместо «Приор» — лошади, а вместо гопников — чумные крысы.

Я не успела ответить.

Сверху хлопнуло окно, и перед моими босыми ногами смачно шлёпнулось ведро помоев. Рыбьи потроха и какая-то серая жижа фееричным фонтаном окатили подол моего шикарного платья.

— Твою же дивизию! — заорала я, задирая голову. Из ок-

на высунулась бабка с лицом, которое могло бы пугать коллегторов.

— А ну, шляйся тут, прошмандовка! — завопила она, размахивая пустым ведром. — Благородные люди спать изволят, а она цокает своей похотью по булыжникам!

— Сама ты... — начала я, но Уголёк вцепился когтями в мою лодыжку.

— Бежим! Твой огнетушитель вышел на крыльцо!

Я оглянулась.

Из двери дома выходил *он*.

Рубашка накинута на плечи, волосы взлохмачены, глаза — ярко-жёлтые и злые. Затем он сплюнул искру на камни, выругался сквозь зубы и зашагал в противоположную сторону.

Я выдохнула, только когда его спина скрылась за поворотом.

— Пронесло, — прошептала я, стряхивая с платья ошмётки. — Ты сказал, я два дня спала?

— Ага. А этот пришёл, лёг рядом и уснул. Видимо, ты застряла в теле какой-то местной знаменитости, которую он знает... очень близко.

Уголёк нервно дёрнул хвостом.

— Знаешь, обычно я не сторонник паники, но предлагаю валить отсюда как можно дальше. У этого парня из пасти идёт огонь, а ты, судя по всему, для него — то ли закуска, то ли бывшая.

Мы свернули в узкий проулок, и я чуть не вписалась носом в кирпичную кладку.

Проход вывел нас на площадь, где на ржавых кольях болтались вывески, расписанные острыми, агрессивными символами.

Не латиница, не кириллица, а что-то похожее на колючую проволоку с вензелями. Я скользнула по ним взглядом — и слова сами вспыхнули в голове.

— «Харчевня у Разбитого Котла», — прочитала я вслух. — Это... — голос сел. — Я не знаю этот язык. Не знаю! Ни слова! А понимаю. Каждое проклятое слово. В голове — как уведомления.

«Тело знало. Тело, в котором я сейчас сижу».

Меня затошнило. Я сжала пальцы — *чуужие* пальцы в кулак.

Как вдруг за спиной что-то оглушительно грохнуло. Из двери таверны, едва не слетевшей с петель, вылетел мужик в грязной рубахе. Следом фурией вылетела тётка с половником и с размаху огрела бедолагу по спине.

Звук был такой, будто лопнула банка с закруткой.

— А ну пошёл, алкаш проклятый! Чтoб ноги твоей тут не было, пока долг за прошлую зиму не вернёшь!

Мужик кубарем покатился по навозу, тётка смачно сплюнула ему вслед и с грохотом захлопнула дверь. А изнутри уже доносился такой галдеж, будто там сотня безумцев решила одновременно перекричать стадо ослов.

Я заглянула в грязное окно. Сплошная антисанитария и мужики, лупившие кружками по столам.

— Уютненко, — буркнул Уголёк.

— Мы туда не пойдём, — решительно сказала я, глядя на то, как выгнанный мужик пытается встать, икая.

— Мы туда пойдём. Потому что там еда, Хайди. И потому что там есть люди, у которых можно узнать, в какую именно задницу нас занесло.

— Узнать у этих? Да они мне голову оторвут за одно только «здравствуйте».

— Не оторвут. — Уголёк потёрся о мою босую ногу. — Ты посмотри на себя в отражение. Ты сейчас выглядишь так, будто в этой помойке не просто родилась, а ещё и возглавляешь местный комитет по очистке канав. Так что, свои не тронут.

И это было частичной правдой. Платье висело грязными лоскутами, волосы спутались в колтуны, в них застряла какая-то солома.

Опустившаяся аристократка, которая три дня пила с бродягами — вот кто теперь смотрел из отражения. Красивая девушка была там. Но теперь её не отличить от любой распутной дамы с этого квартала.

Вместо стыда, пришла пустота.

Это не моё тело. Плевать, как оно выглядит.

Глубоко вздохнув, я толкнула дверь и шагнула внутрь.

Глава 2

Внутри стоял такой гвалт, что уши заложило мгновенно. Дым, запах прогорклого жира и немых тел. В углу два мужика молотили друг друга под улюлюканье толпы.

Я прикрыла нос ладонью и проскользнула в самый тёмный угол, стараясь стать как можно незаметнее.

Уголёк запрыгнул на скамью и принялся.

— Закажи чего-нибудь. Иначе нас вышвырнут.

— У меня денег нет.

Едва прозвучали эти слова, как перед столом выросла дородная тётка с половником в руке. С грохотом на стол легла миска с мутной бурдой и ломоть чёрствого хлеба.

— Две медяшки, — рявкнула она, выжидающе выставив ладонь.

— Денег нет, — ляпнула я, мысленно прощаясь с жизнью.

Тётка уставилась на меня, и я буквально почувствовала, как воздух в радиусе метра начал замерзать.

Но тут Уголёк — этот пушистый интриган — вдруг сладко замурчал и потёрся о её необъятную ногу, глядя на неё преданными кошачьими глазами.

На суровом лице бабищи что-то дрогнуло.

— Ладно, — буркнула она, пряча половник. — Отработашь. Посуды в корыте — больше, чем грехов у дворянина. Ешь давай, пока совсем не отошала.

Она ушла, а я выдохнула. Кот покосился на меня с видом «учись, пока я жив».

Я жадно вгрызлась в хлеб, и тут за дальним столиком кто-то негромко произнёс:

— ...говорят, Чёрную Деву видели. Здесь. В Нижнем городе.

Я замерла.

— Да брось, — ответил сиплый голос за тем же столиком. — Её ж ищут по всему королевству. Она ж не самоубийца, чтобы в столицу соваться.

— А я тебе говорю — видели! На днях сам Фенх лично наведалься в её конуру. Говорят, он из неё душу вытрясти хотел.

— И за что такая честь простой алхимичке? Она ж страшна, как смерть, и воняет от неё серой за версту.

Я поперхнулась и понюхала платье. Уголёк медленно повернул голову и уставился на меня своими жёлтыми глазами.

— Поговаривают, она свою лабораторию прикрыла, — продолжал сиплый. — Тварина... Намеревается, видать, место принцессы занять. Окрутила принца своими притирками.

— Посмотрим, — мужчина громко хлопнул по столу, отчего я подпрыгнула. — Если увижу эту ведьму — лично на вилы насажу. От таких, как она, одни беды. Зельевары — хуже крыс подпольных.

— Любезный люд, ничего не скажешь, — прошептала я, утыкаясь в миску и прячась за каскадом своих волос.

— Хайди, — тихо сказал Уголёк, наклонившись так близко, что его усы щекотнули шею. — Плохая новость - ты не просто попаданка. Хорошая - ты уже местная знаменитость. Плохая новость номер два - знаменитость ты сомнительная. Доедай и уходим. Твоя репутация, кажется, пришла первой и уже успела всем всё рассказать.

Лаборатория, Чёрная Дева, отравленные принцы и Фенх, который явно не чай заходил попить. Картина складывалась паршивая.

— Посуда подождёт, — решила я, видя, как те двое поднимаются. — Нам нужно обратно в её дом.

* * *

Я незаметно выскользнула из таверны, пока хозяйка была занята новой дракой у стойки.

Уголёк плёлся сзади, демонстративно брезгливо перешагивая через лужи.

— И зачем нам в это логово? — проворчал кот. — Нас там либо желтоглазый зажарит, либо толпа с вилами встретит.

— Затем, Уголёк, что в том доме — её записи. И, возможно, её единственный шанс выжить — это стать мной. Но пока что я вынуждена быть ею.

Я брела босиком по камням. Страх постепенно отступал, и на его месте прорастало что-то жёстче — злость на то, что меня без спроса впихнули в чужую жизнь, полную долгов и

охотников с вилами.

— Главное, — добавил кот, — не забудь проверить шкаф на наличие скелетов.

Я закатила глаза и прибавила шагу. Мы возвращались в логово «ведьмы».

В логово, которое теперь принадлежало *мне*.

Дом выглядел таким же убогим, как и час назад. Каменная коробка, вросшая в землю, с кривой дверью и окнами, затянутыми чем-то мутным.

Дверь поддалась с противным скрипом.

Внутри никого.

— Может она отравилась?..

Я оглядела комнату. Кровать, на которой мы спали втроём, теперь пустая, сбитая простыня валяется на полу.

Стол, заваленный какими-то склянками. Здесь действительно пахло странно.

Только почему этот запах я сразу не почувствовала?

Пузырьки, банки, ступка с остатками серого порошка валялись на столе. Сухие ветки, перевязанные нитками. И стопка бумаг.

— О, — выдохнула я.

— Что там?

— Письма, ну или записи.

Я взяла верхний лист, вчиталась. Почерк был мелкий, витиеватый, но я всё понимала.

— Это какие-то рецепты. Зелья или что-то того.

— Отрава?

— Нет... — я пробежала глазами строчки. — Сонная трава, корень забвения, мёд... Это похоже на снотворное, ну или успокоительное.

Уголёк запрыгнул на стол, сунул нос в банку и чихнул.

— Будь здоров.

— Спасибо, — буркнул кот, вытирая лапой морду. — Так что там про отраву?

— Не знаю. Тут рецепты на любой вкус. От головной боли, от бессонницы, для... — я запнулась. — Для приворота.

— Ого. — Уголёк оживился. — А это нам пригодится.

— Кому это нам?

— Тебе. Мужика того приворожить, чтоб огнём не плевался.

— Я серьёзно.

— А я нет. — Кот зевнул. — Смотри, тут ещё сундук какой-то есть.

В углу, прикрытый тряпкой, стоял небольшой сундук. Обитый железом, с замком, но без ключа.

— Закрыто.

— Открывай.

— Чем?

— Ногой. Головой. Логикой. — Уголёк спрыгнул со стола и потянулся. — В таких местах ключ обычно под половицей или в горшке с цветком.

Цветов не было. Я заглянула под кровать — пыль, пустая

бутылка и...

— Ключ!

— Можешь не благодарить...

Сундук открылся с таким же противным скрипом, как и дверь. Внутри оказалось... барахло.

— Ну и что это? — разочарованно протянул кот.

— Старый плащ. Сапоги. Книга в потёртом переплёте. Кошелёк.

Я развязала кошелёк — пара медяков и пара серебряных монет.

— О, деньги.

— Сколько?

— На поесть думаю хватит, и не один раз.

— Уже хорошо. — Уголёк потянулся к книге носом. — А это что? Дневник?

Это действительно был дневник. Почерк тот же, что в рецептах.

«День двадцатый. Фенх снова приходил. Спрашивал про зелье для принцессы. Я сказала, что ещё не готово. Он не поверил. Надо уходить, но куда? За мной охотятся все, кому не лень»

— Фенх, — прочитала я вслух. — Мужики в таверне говорили про него. Это тот, кто её навещал перед...

— Читай дальше.

«День двадцать пятый. Сегодня во сне видела его. Того, из-за кого всё началось. Он смотрел на меня своими жёл-

тыми глазами и молчал. Я проснулась вся в поту. Что ему нужно от меня?»

Я перевернула страницу.

«Пришлось всё свернуть и переехать в этот Богом забытый город. Фенх должен прийти через несколько дней. Я отдам зелье и всё. С королевской семьей покончено будет... Я смогу открыть лавку и легально торговать...»

«День тридцатый. Кажется, я сошла с ума. Мне мерещится запах гари. ВСЮДУ. Я знаю, что он где-то рядом...»

— Погоди, — я перечитала первый лист. — Фенх — это тот, кто про зелье спрашивал. А жёлтые глаза — это про другого. Про того, с кем я проснулась?

— Походу этот Фенх и грохнул её.

Я вытерла губу. На рукаве отпечаталось красное пятно от присохшей ранки.

«А что случилось со мной тогда? Как я оказалась в этом теле?»

«Это просто сон. Плохой сон...».

— Я сейчас просто лягу и проснусь в своей уютной студии. У меня будет обычная, скучная жизнь, ипотека до пенсии и обычный, неговорящий кот...

Кот запрыгнул на подушку рядом со мной и требовательно боднул меня лбом в плечо.

— А если этот вернётся?

Я рухнула лицом в подушку, которая приятно пахла ванилью.

— Неговорящий кот... Это просто... сон...

Глава 3

Открыв глаза, я встретила взглядом со знакомым плесневелым пятном на потолке.

Непонятная гремучая смесь запахом, тоже осталась на месте. Реальность вонзилась в меня когтями, не давая даже секунды на иллюзию.

— Уголёк? — позвала я хрипло.

Кот не удостоил меня даже поворотом головы.

Он растёкся рыжей лужей по крышке сундука, свесив одну лапу и всем своим видом показывая, что этот мир не достоин его пробуждения.

Я доковыляла до мутного осколка зеркала.

Оттуда на меня смотрела *она*.

Чёрная Дева.

Даже со спутанными волосами она была чертовски красива — той опасной, порочной красотой, за которую в этом мире, судя по всему, либо поклоняются, либо вешают на городской площади.

— Значит, не сон, — прошептала я, касаясь пальцами чужой кожи.

Я сползла по стене, обхватив коленки. Паника накрыла мгновенно, сдавила грудь. Я попыталась перевести дыхание и успокоиться, но воздух застревал где-то на полпути, и с каждой попыткой вдохнуть становилось только хуже.

Только не кричать. Не плакать. Только дышать.

Минута прошла или час. Но когда паника наконец отступила, я подняла голову. Глаза были сухие, а внутри — пустота.

— Ладно, — прохрипела я чужим для себя голосом. — Нужно перестать пахнуть как помойное ведро.

Воды в доме не было. Зато во дворе стояла дождевая.

Секунду я смотрела на зелёную жижу, в которой плавали дохлые мошки и обрывки листьев.

— Мда, им бы здесь по-хорошему провести нормальную канализацию...

Я закрыла глаза, зачерпнула воду и плеснула в лицо. Меня едва не вывернуло от запаха гниющей листвы.

— Ничего, — прошипела я сквозь зубы, растирая щёки до скрипа. — Главное — не сдохнуть.

Я оттирала ноги, пока кожа не покраснела. Ступни горели, но запах помойки наконец отступил.

Вылив остатки воды на землю, я вернулась в дом. Пришло время вскрывать «наследство».

Уголёк недовольно приоткрыл один глаз, когда сундук бесцеремонно выехал из-под него на пол.

— Между прочим, я тут грелся.

— Погреешься на моём трупе, если нас придут убивать, а я буду в грязном платье, — отрезала я.

Я снова заглянула в сундук и начала разбирать его содержимое.

Старый плащ, заштопанный в трёх местах. Сапоги из грубой кожи, велики размера на два, но лучше, чем босиком по булыжникам. Серая рубаша из мешковины, штаны и — о, благословение небес — тёмно-синее платье. Простое, без единой вышивки, но чистое.

Я прижала его к лицу — пахло гвоздикой и сушёной травой.

— Хоть какой-то люкс в этом аду, — пробормотала я.

Вчерашнее грязное тряпье слетело через голову быстро, попутно послужив полотенцем.

Уголёк в этот момент деликатно отвернулся к стене, сосредоточенно изучая трещину в камне.

— Спасибо за такт, пушистый, — буркнула я, натягивая чистое платье.

— Я просто не хочу, чтобы ты потом рассказывала, будто я подсматривал. Ты, когда злишься, страшнее того огнедышащего типа.

Платье село идеально — узкая талия Чёрной Девы была её единственным легальным оружием.

Зависть кольнула на мгновение — но тут же напомнила о себе мысль, что эту талию наверняка хотят перерезать как минимум трое.

Намотала на ноги тряпки, втиснула их в сапоги — теперь хоть не сваливаются. Расчесала волосы пальцами, вытряхивая остатки соломы, и стянула их в хвост обрывком ленты.

— Красавица, — оценила я своё отражение. — Прямо

мисс «Меня разыскивают за госизмену».

Уголёк фыркнул.

— Ладно, — я подхватила его на руки, зарываясь лицом в рыжую шерсть. — Я почти в порядке. Сколько я вообще спала?

— Почти сутки, — отозвался он. — Я уже начал волноваться, что ты опять откинулась, и мне придётся самому учиться открывать консервы в этом мире. А лапками это, знаешь ли, неудобно.

— Чёрт. Я потеряла три дня.

Я нашла старый мешок, подозрительно похожий на сетку из-под картошки. Запихнула туда сменное платье и дневник, спрятала это "добро" под кровать.

В карман нового платья сунула несколько рецептов — мало ли, вдруг придётся кого-то усыпить. Остальные склянки сложила обратно в сундук и с силой защёлкнула замок.

«Пусть хоть помучаются, если решат вскрыть».

Ключ отправился в потайной кармашек. Завязала пояс потуже, проверила кошелёк с монетами и накинула плащ.

— И куда мы? — поинтересовался Уголёк, выскальзывая следом за мной во двор.

Я посмотрела на улицу.

Одна дорога вела в лабиринт кривых переулков, другая — вниз, к рыночной площади, откуда доносился гул голосов и скрип телег.

Там были люди, и там были хоть какие-то новости этого

мира.

— На разведку, — ответила я. — Заодно узнаем, не подорожали ли верёвки для виселиц.

— О, — кот дёрнул ухом, — оптимизм. Это что-то новенькое.

— Это не оптимизм, а сарказм. Сарказм — единственное, что у меня осталось от прошлой жизни.

И мы двинулись вниз по кривой улочке, навстречу базарному шуму и запаху навоза.

Глава 4

Это была не торговая площадь, а кипящая жижа из телег и криков. Воздух застыл густой похлёбкой: конский навоз, мокрая шерсть и... гнилая рыба — хотя, судя по тому, как её охотно раскупали, для этого мира она была вполне свежей.

Всё это перемешалось и ударило в ноздри, а желудок явно жаждал "освобождения".

Под ногами хлюпала капустная каша. Сапоги чавкали, грозя оставить меня босой посреди толпы.

Я перешагивала лужи подозрительного происхождения, вжимая голову, чтобы ненакором не снесли к чертям с головы своими громозкими телегами. К моей спине так и прилипали грязные и оценивающие взгляды. Я старалась не обращать на них внимания.

Слева громыхало железом — мужик с испитым лицом пробовал топоры о край прилавка. Справа бабы в засаленных платках вываливали рыбу. Живые карпы бились о доски, обдавая прохожих мутной водой.

Одна особо ретивая рыбёшка шлёпнулась мне под ноги и уставилась круглым глазом — *мол, ну и что ты сделаешь?*

— Ничего, — сказала я карпу и перешагнула.

У самой стены нашёлся хлебный ряд. Я втянула в ноздри этот единственный приятный аромат в этом месте.

Я выудила медяк, протянула молчаливой торговке с ли-

цом, похожим на печёное яблоко.

Она швырнула хлеб, даже не подняв глаз.

— Хорошего вам дня! — искренне улыбнулась я, поймав буханку.

Бабка замерла. Посмотрела на меня так, будто я призналась в любви сточной канаве. Видимо, вежливость здесь была валютой весьма подозрительной.

— Ты это... — прошамкала она. — Не болей, девка. А то бледная какая-то.

— Спасибо, я просто не пользуюсь румянами, — ляпнула я и прикусила язык.

Торговка нахмурилась. Уголёк, сидевший у ног, коротко мякнул.

— *Ты даже хлеб купить не можешь.*

Дойти до ворот мы не успели. Возле рыбного ряда, где воняло так, что чайки бы покончили с собой, я столкнулась нос к носу с *ним*.

Тот самый мужик из таверны, который кричал про вилы. Он подпирал столб и лениво грыз вяленую рыбу.

Узнал. Сощурился. Воздух вышел из лёгких разом.

Я рванула влево, ныряя между лотками.

Опрокинула чью-то корзину с требухой.

Простите, чьи-то потроха.

Сзади — грохот и брань. И вдруг — звон о булыжники.

Ключ!

Ключ от сундука выскользнул из кармана и остался лежать

в грязи.

Останавливаться нельзя.

Я нырнула в переулок, вылетела с другой стороны — и едва не врезалась в широкую грудь.

*«Он. Телепортировался? Тайный портал за бочкой с се-
лёдкой?»*

Я приготовилась орать, царапаться, притворяться мёртвой.

Но мужик шагнул ко мне и... протянул руку. На потной мозолистой ладони лежал мой ключ.

— Эй, ты обронила, — прохрипел он, глядя не на ключ — на мои губы.

Я схватила металл, сжала так, что грани впились в кожу. Ладонь дрожала. Всё тело дрожало.

— Спа... спасибо.

Он молчал, оглядывая меня. Капюшон съехал, солнце высветило лицо. Сейчас заорёт «Ведьма!», сбегутся все, включая того желтоглазого...

Но мужик усмехнулся.

— А ты ничего так. Симпатичная. Не видал раньше. Проезжая?

— Да...

В горле пересохло. Адреналин отступал, оставляя тошноту и желание треснуть его чем-нибудь тяжёлым. За комплимент.

— Ну, удачи. Заходи в лавку — угощу чаго.

Он хлопнул меня по плечу и зашагал прочь, насвистывая. Уголёк обвил мою ногу хвостом и посмотрел с выражением «*И ты боялась?*».

— Он меня не узнал, — прошептала я.

— Мужики, которые вчера орали про вилы, сегодня уже не помнят, кого хотели убить. — Кот дёрнул ухом. — Особенно если объект симпатичный.

— Хорошо, — выдохнула я. — Хорошо, что нет ориентировок с моим лицом на каждом столбе.

— Чего? — не понял кот.

— Неважно. Идём.

Ворота были в паре шагов. Стражники лениво плевали семечки. Пройти мимо них просто так — рискованно. Одинокая девушка с рыжим котом, который смотрит на стражников как на мусор, привлекает внимание.

Мой взгляд упал на площадь за воротами. Старик отвязывал лошадь — клячу такого вида, что ей самой было стыдно жить. Телега полупустая: сено, клетка, мешки. Лицо у старика морщинистое, прокопчённое дымом, но глаза ясные. Смотрит как человек, который знает цену и сему, и глупости.

— Дедушка, вы далеко? — я постаралась, чтобы голос звучал жалобно.

— В Вельх. — Он оглядел меня. — Тебе-то чего?

— Подвезёте? Я заплачу.

Серебряная монета. Он взял, попробовал на зуб, хмыкнул, кивнул на сено:

— Прыгай.

Я залезла в телегу, спряталась за тюками. Уголёк приземлился рядом с грацией мешка картошки и тут же принялся вылизываться. Всем видом показывая, что это не его урочень, но он потерпит.

Лошадь фыркнула, колёса заскрипели. Стражник мазнул по нам скучающим взглядом.

Город начал таять позади. Запах навоза и гнилой капусты сменился ароматом цветущих лугов и горькой полыни. Я сидела, прижимая к себе кота, и смотрела, как острые шпили и кривые крыши растворяются в дымке. Сердце всё ещё колотилось, но уже не от страха — от азарта.

— Ну что, рыжий, — тихо сказала я, — начнём всё заново. Где-нибудь, где про Чёрную Деву слышали только в страшных сказках.

Уголёк зевнул, вонзив когти в моё колено через ткань плаща.

— Главное, — протянул он, — чтобы кормили лучше, чем в этой дыре.

Глава 5

Старик высадил нас на развилке. Где пыльные дороги расходились в три стороны, как морщины на его лице.

Север — к угрюмым рудникам. Восток — ловить морской бриз. Юг — к торговому сердцу этих земель — Вельху.

Он ткнул кнутовищем в сторону юга и прохрипел:

— Два дня пешком, если ноги не отвалятся. И если бандиты по пути не встретят. Тогда — всё, пиши пропало.

Телега укатила, оставив нас в густом облаке пыли. Я прочихалась, вытерла слезящиеся глаза.

— Два дня, — эхом отозвалась я. — Ну, пошли.

Уголёк восседал на придорожном камне с видом опального принца, которому только что сообщили, что карета отменяется. Он демонстративно вылизывал лапу — всем видом показывая, что пешие прогулки по грязи ниже его достоинства.

— Даже не смотри. Я тебя не понесу, — отрезала я. — У тебя энергии в избытке. Вспомни, как ты по моей голове скакал в три ночи. Это был марафон. А это — лёгкая разминка.

— Это было другое, — буркнул кот, спрыгивая на землю. — Ночная охота на мышей — благородное дело. А это — добровольное страдание.

— Чувствую разницу. Там ты мешал спать мне. Здесь — себе. Всё, идём.

Он лениво "поплыл" вперёд, задрав хвост трубой. Дорога тянулась бесконечной лентой через выжженные поля, смеющиеся редким, ломким лесом. Солнце жарило макушку. Сапоги натирали пятки.

К обеду мы вышли к ручью. Вода ледяная, прозрачная — от неё сводит зубы, но голова проясняется мгновенно.

Я смыла дорожную пыль, которая скрипела на зубах, наполнила флягу, разделила остатки хлеба. Угольку досталась краюха поменьше, но он уплетал её с таким видом, будто это было жаркое из мышинового паштета.

— Эй!

Голос с дороги. Я вздрогнула, рука дёрнулась к карману с рецептами.

На тропинке стояла девушка. Лет восемнадцать, худенькая. Одежда — обноски на честном слове и верёвке. На лице свежая ссадина.

Но она смотрела не на меня. Она смотрела на хлеб.

— Эй, не жадничай... Отломи краюху, пожалуйста.

Я молча протянула половину своей доли.

Девушка вцепилась зубами, заглатывая почти не жуя. Когда она доела, вытерла рот и уселась ко мне на валун с нагловатой лёгкостью.

— Ты одна путешествуешь?

Я кивнула на рыжую тушу у ног.

— С ним.

— Странная ты, — бросила незнакомка беззлобно, почти

одобрительно. — Меня Астрид звать, а тебя?

— Хайди.

— Куда путь держишь?

— В Вельх. Работу искать и крышу над головой.

Астрид оглядела меня с горькой успешкой на глазах.

— Работу, — повторила она. — Ну-ну. Удачи в городе богатеньких.

Но вместо того, чтобы пойти своей дорогой, она пошла рядом со мной.

До вечера болтала без умолку. Сирота, скитается, ворует, когда прижмёт. Говорила с лихим задором. Но я чувствовала, как её взгляд ощупывает мой карман — там топорщился кошелёк. Пальцы Астрид то и дело дёргались в ту сторону, когда она думала, что я отвлеклась.

— Твоя новая подруга — карманница со стажем, — подметил Уголёк, когда она отбежала в кусты.

— Я знаю.

— И ты позволяешь ей идти с нами?

— Лучше карманница перед глазами, чем бандиты в кустах...

Когда стемнело, мы устроились под деревом. Астрид усеялась напротив, не сводя с меня удивлённого взгляда. Уголёк, сыто урча, свернулся у меня в ногах.

— Первый раз вижу, чтобы кот так к человеку лип, — заметила Астрид, прищурившись. — И не убегает ведь. Он что, ручной?

— Сама в шоке, — я прикрыла зевок. — Ещё и разговаривает. Просто при незнакомках стесняется.

Астрид хмыкнула и откинулась назад. Я уснула практически мгновенно.

* * *

Разбудил меня пронзительный визг.

Я подскочила, хватая воздух. Костёр догорел, вокруг — предрассветный серый сумрак. Астрид, скорчившись, стояла надо мной и пыталась вырвать руку из пасти Уголька.

Кот вцепился мёртво, рыча так, будто перед ним был демон.

— Убери своего зверя! — прошипела она.

Я быстро проверила карман — пусто. Мои вещи валялись на траве, выроненные во время схватки.

— Отпусти её, Уголёк.

Кот нехотя разжал челюсти, отскочил, но продолжал выгибать спину. Астрид попятилась, зажимая окровавленную руку. В её глазах страх смешался с обидой — будто это она меня поймала на воровстве.

— Я не хотела...

Я молча вытащила кошелёк из её пальцев. Движения были ленивые. Я даже сама удивилась своему спокойствию.

— Ты как? — я кивнула на рану.

— Нормально, — буркнула она, пряча руку.

Я вздохнула, намочила в ручье лоскут ткани и протянула ей.

— Перевяжи. Кот у меня привит, но мало ли.

Астрид недоверчиво взяла тряпицу. Уголёк вернулся ко мне на колени — уставился на неё жёлтыми глазами. Вся его морда говорила: *«Я слежу за тобой. Один неверный шаг — узнаешь, сколько зубов у меня во рту»*.

— Знаешь, — сказала я, глядя в гаснущие угли. — Могла бы просто попросить.

— Попросить? — Астрид горько усмехнулась. — Просят те, у кого есть надежда. А у меня её отродясь не было.

Она встала, собираясь уходить.

— Ладно. Я пойду. Ты... это... не злись на кота. Он молодец. Хороший охранник. Жаль, у меня такого никогда не будет.

Она уже сделала шаг в темноту леса, когда я её окликнула.

— Астрид!

Она замерла, но не обернулась.

— Дорога у нас всё ещё одна. Можешь идти с нами. Но если ещё раз сунешь руку не туда — я за кота не ручаюсь. У него, знаешь ли, аппетиты растут.

Она обернулась и долго смотрела на меня, как на сумасшедшую, которая только что подобрала на дороге ядовитую змею и сунула её за пазуху.

— Ты странная, Хайди, — тихо произнесла она.

— Для меня, пожалуй, это не новость.

Я уселась возле костра, подтянула колени к подбородку. И долго молча смотрела на угли.

— А что значит «привит»? — спросила вдруг Астрид. — Порода какая-то дорогая?

— Можно и так сказать. Аборигенная порода. Очень редкий экземпляр.

— Ого... Дорогой, наверное?

— Мне достался бесплатно...

Глава 6

Вельх встретил нас запахами.

Я замерла у главных ворот, прикрыв глаза.

Печёный хлеб. Жареное мясо, от которого желудок сжался до размера ореха. И наваристый, тягучий запах какого-то варева — он висел над городом плотным облаком.

— Если ты сейчас пустишь слюну на сапоги, я сделаю вид, что я не с тобой, — предупредил кот.

— У меня монет на три корки и твою благодарность, — пробормотала я. — А пахнет так, будто каждый второй здесь — кондитер.

— Тут недалеко таверна, — Астрид кивнула в сторону узкой улочки. — Дешёвая.

* * *

Таверна оказалась на удивление приличной. Хозяйка, с суровым лицом, без лишних слов поставила перед нами две миски с дымящейся похлёбкой.

Я молча пододвинула половину своей порции Астрид. Та накинулась на еду так, будто это был последний ужин перед казнью. Благодарности не последовало — только яростный стук ложки.

Уголёк восседал на лавке с видом оскорблённого аристократа. Он даже не взглянул на брошенный кусок хлеба. Только уставился на меня своими жёлтыми глазищами.

— Не нравится мне она, — раздалось тихое ворчание. — И ты слишком добрая, Хайди. Этот мир сожрёт тебя и не поперхнётся.

— А у тебя есть другой план? — шепнула я. — План «станем злыми и никого не кормим»?

— Отличный план. Утверждаю.

— С кем это ты?

Астрид подняла голову, вытирая рот рукавом.

— С котом, — буркнула я. — Жалуеться, что хлеб чёрствый. Мяса требует.

— Кошкам вообще хлеб нельзя, — авторитетно заявила Астрид и снова уткнулась в миску.

Уголёк метнул на меня взгляд, полный немого торжества: *«Видишь? Она меня не слышит».*

Внутри всё перевернулось. Мысли о прошлой жизни нахлынули холодной волной.

Моё тело в той далёкой квартире... *Найдёт ли его кто-нибудь? Или я просто в беспамятстве, и этот мир — плод умирающего сознания?*

Я сжала ложку сильнее...

Нет. Слишком больно. Слишком реально для сна.

Мы вышли на улицу, когда солнце уже миновало зенит.

— Сколько сейчас, интересно, времени... — пробормотала я, щурясь на небо.

Астрид остановилась, хитро щурясь на свет, и сложила пальцы каким-то хитрым способом, выставив их к небу.

— Ты чего?

— Сама же про время спросила. По солнцу — полдень.

Я попыталась повторить её жест, но увидела только дрожащие пальцы и размытое пятно света, от которого немедленно заслезились глаза.

Мимо нас прошла дама с собачкой на руках, брезгливо морща носик.

— В этом городе котов не жалуют, — подметила Астрид.

Дама прижала свою псинку так, будто мой кот собирался наброситься.

— После чумы поговаривают, что коты заразу разносят. Но великий маг спас всех. Он вылил эликсир в колодцы и все выздоровели. Так что, с тех пор кошек и травят.

— У собак тоже есть блохи...

— Коты — опаснее. Так люди говорят. А с людьми не спорят, особенно если хочешь выжить.

Я крепче прижала Уголька.

Этот «великий маг», эликсир в воде... Звучало как сказка. Но для этих людей это было реальностью. И эта реальность могла стоить моему коту жизни.

— Работы для женщин тут мало, — продолжала Астрид.

— Можно в прачки, в швеи... ну или ногами торговать.

— Ногами не буду, — отрезала я, прижимая кота к себе. Тот возмущённо пискнул.

— А зря. С твоим лицом ты могла бы...

— Я сказала — нет.

Первая попытка стать швейей закончилась позорным провалом. Хозяйка мастерской — сухая дама с губами в ниточку — взглянула на мои кривые стежки и выставила меня вон со скоростью, делавшей честь её реакции.

Следующая лавка, где требовалась кружевница, захлопнула дверь перед моим носом ещё быстрее. К тому моменту, как солнце начало клониться к закату, моя самооценка валялась где-то в придорожной пыли.

— Гордость — роскошь для сытых, — наставительно произнесла Астрид.

— Я и есть гордость. Временно голодная.

Астрид вдруг оживилась, выудив из мусорной кучи обрывок газеты. Долго водила пальцем по строчкам, шевеля губами, а потом сунула листок мне:

— На, читай.

Я пробежала глазами колонки — новости о ценах на зерно, королевский указ о дорожной пошлине, какая-то сплетня о придворной даме... Ага! В самом низу — то, что нужно. Знакомые угловатые символы, от которых веяло надеждой:

— Требуется продавец в лавку пряностей. Травяная улица, 13. Обращаться в любое время.

С моими знаниями и рецептами Чёрной Девы это был шанс. Не просто работа — прикрытия.

Астрид вдруг бросила взгляд через плечо. Её лицо стало пустым и настороженным, будто она что-то заметила в толпе.

— Подожди...

Но она уже развернулась и исчезла в толпе. Даже не оглянулась. Будто не мы только что делили одну миску и один костёр.

— Поела и сбежала, — проворчал Уголёк, усаживаясь у ног. — А я говорил.

Я закусила губу до боли. В груди кольнуло — туда, где у нормальных людей живёт доверие. У меня теперь, кажется, только пустота.

— Ладно, — сказала я, встряхивая головой. — Сами справимся.

— Сначала найди эту лавку, — посоветовал кот. — У меня лапы болят.

— Ты просидел половину пути у меня на руках.

— Вот именно. У меня лапы болят от того, как ты меня трясла.

* * *

Травяная улица оказалась тихим местом вдали от рыночной суеты. Дома из серого камня, из окон пахло не помоями — мятой и розмарином. Номер тринадцать нашёлся в самом тупике, где мостовая кончалась у старой липы. Над зелёной дверью висела вывеска: «Пряности и выпечка». Ниже — приписка: «Требуется помощница».

Я постучала. Тишина.

— Может, никого нет? — шепнул Уголёк.

— Тогда почему дверь приоткрыта?

Я толкнула створку. Та поддалась с тихим вздохом. Полу-

мрак, запах сушёной мяты, гвоздики и чего-то острого. За прилавком — ещё одна дверь, приоткрытая.

— Здравствуйте? — крикнула я, переступая порог. — Я по объявлению...

Из глубины лавки донёсся шорох, а затем — звон разбитого стекла.

Уголёк мгновенно выгнул спину, шерсть встала дыбом.

В этом уютном месте что-то было очень, очень не так.

Глава 7

Внутри сплошной полумрак и тишина. Несмотря на отсутствие хозяина — запах выпечки витал в воздухе.

— Есть кто? — голос прозвучал писком.

А в ответ — тишина.

Я сделала шаг вперёд, выставив руку — нащупала стену. Камень оказался на удивление тёплым и живым. Будто сам дом дышал.

Пальцы задели свечу в кованом подсвечнике — и стоило мне коснуться фитиля, как он вспыхнул сам. Золотистый свет лизнул потолок.

Я отдёрнула руку.

— Что за...

Комната раскрылась.

Белая скатерть, резные стулья, полки с горшочками — ни пылинки, ни паутинки.

Я обошла горячую печь, на которой стояли сковородки. Будто кто-то готовил здесь совсем недавно.

Уголёк проскользнул мимо меня, обнюхал углы и вальяжно запрыгнул на подоконник.

— Кажется, что здесь никого нет. Совсем никого. И это мне не нравится.

— Может, хозяин просто отлучился ненадолго, чего нагоняешь-то сразу?..

Но слова прозвучали неубедительно даже для меня самой.

На столе лежал лист бумаги. Серебряная монета прижимала угол. Свет свечи скользнул по металлу — монета словно мне подмигнула: *«Ну же, возьми меня»*.

Почерк на листе был просто идеальным. Ни единой пометки даже.

«Здравствуйте. Вы, верно, пришли по объявлению. Я не могу встретить вас лично, но дом открыт для того, кто готов трудиться. На полках — все необходимые приправы и заготовки. Рецепты — в ящике стола. Пекутся сладости в печи, утром и иногда днём — на ваше усмотрение. Первая выпечка — к открытию рынка. Ваше жалование — вперёд. Если решите, что работа не для вас — оставьте ключ под половицей у входа. С уважением, хозяин»

Я перечитала дважды. По спине пробежал пугающий холодок.

Жалование вперёд. Дом открыт. Бесплатный сыр, только в мышеловке.

— Слишком удачно, — прошептала я, вертя монету.

— Зато тепло и пахнет не навозом, — кот зевнул, сверкнув клыками. — Или ты хочешь обратно в клоповник, где твой огнеплой до сих пор вынюхивает твой след?

Я открыла ящик стола.

Там лежал тяжёлый железный ключ и тетрадь в потёртом кожаном переплёте. Имбирные лепёшки, медовые соты, коричные завитки... Каждое слово было пропитано любовью

к делу. Кто-то очень хотел, чтобы в этом доме продолжали печь.

В кошельке — последнее серебро. Астрид исчезла, забрав с собой остатки моей веры.

Возвращаться на улицу? Искать «дом свиданий»?

— Ладно, — сказала я Угольку. — Остаёмся. На одну ночь.

В подсобке нашлась небольшая комнатка. А так же: простое одеяло и тёплый пол. Слишком тёплый для дерева этого мира.

Я прикрыла глаза, представив свою уютную студию. Но дряхлый веник в углу вернул меня больно в реальность.

* * *

Утром на столе уже лежала новая записка.

«Продукты в подвале. Подвал за дверью в комнате. Рецепты на столе».

И снова монета. Искушение было слишком велико.

— Всяко лучше, чем работать «ногами», — хмыкнула я, сжимая серебро.

Хотя с тестом я не дружила.

Я выбрала имбирные лепёшки. Мука, масло, мёд... Не такой уж и сложный рецепт. Но только стоило мне подумать о том, как разжечь печь, как внутри неё само вспыхнуло пламя.

— Какого...

Огонь взметнулся, лизнул чугуна. Я отшатнулась так резко,

что ударилась спиной о стену.

Я застыла, не дыша.

Дров никто не клал. Огниво лежало далеко в ящике. Печь зажглась *сама*.

— Этого не может быть, — выдохнула я одними губами.

В висках пульсировало. Жар становился невыносимым. Я медленно, очень медленно сползла по стене на пол. Колени подогнулись и я обхватила их руками, пытаюсь унять дрожь.

— Магия, Хайди, — лениво отозвался Уголёк с подоконника. — Или продвинутые технологии. Не отказывайся от печки, которая работает бесплатно, да и ещё сама.

Я глубоко вздохнула. Потом ещё раз.

Руки перестали трястись.

Нужно абстрагироваться и отвлечься... Работа. Работа лечит.

Я принялась замешивать тесто. Сначала оно липло, рассыпалось, но на третьей попытке под ладонями лёг гладкий тёплый ком. Вырезала кружочки, отправила в печь. Пряники пропеклись практически мгновенно.

Я отломил кусочек и зажмурилась. Никогда в жизни не пробовала ничего вкуснее.

«Видимо, Чёрная Дева была не только алхимиком, но и отличной кухаркой»

Следом пошли вишнёвые корзиночки. Пока они румянились, наполняя лавку запахом лета, я вышла на улицу.

Вывеска выглядела солидно, хоть краска и облупилась.

Уголёк сидел на пороге, сосредоточенно умываясь.

— Где ты был? — спросила я.

— Охотился, — он дёрнул ухом. — Здесь очень жирные мыши. И очень доверчивые. Давно не видели кота. Расслабились.

— Не боишься какую-нибудь заразу подцепить?

— Не больше, чем ты — стать великим пекарем. — Кот зевнул. — Кстати, раз здесь местные котов не любят. Я теперь буду твоим тайным агентом. Буду делать вид, что я просто жирный голубь.

— Голубей не бывает с такими большими ушами.

— Вот видишь, как хорошо я маскируюсь.

Я уже доставала из печи корзиночки, как звякнул колокольчик.

На пороге замерла женщина лет сорока. Дорогое, но довольно поношенное платье, кружева с пятнами. Её оценивающий взгляд скользнул по витрине, по моему лицу, по грязному фартуку.

— Вы новенькая?

В её голосе не было любопытства. Только требование: *отчитайся*.

— Хозяйка временно отсутствует. Чем могу помочь?

Она усмехнулась — криво и недобро.

— Посмотрим, чем вы можете помочь. Мне пару пряников. И вон ту корзиночку. Только, чур, не пересоленную, как в прошлый раз у старой.

Её пальцы, унизанные кольцами, нервно забарабанили по прилавку. Она ждала, что я ошибусь.

Цены. Я понятия не имела о ценах. Вообще никакого. Назову любую цифру — она либо рассмеётся, либо вызовет стражу.

— Надеюсь, цены прежние? — в голос женщины скользнула стальная нотка. — А то на Торговой совсем обнаглели.

— Разумеется, — кивнула я. Кровь гудела в висках — громко, мешая думать. — Старые цены.

Она выложила на прилавок две серебряные монеты.

Две! За горсть печенья?

Я заставила себя не смотреть на них, спокойно завернула пряники.

— Вы бы не могли завтра приготовить то ваше фирменное печенье с корицей? — спросила она, и в голосе впервые мелькнуло что-то живое, почти человеческое. — Я зайду с утра.

— Конечно, — выпалила я, надеясь, что рецепт найдётся в тетради.

Она ушла. Дверь закрылась.

Я выдохнула — и только тогда заметила, что всё это время не дышала. Дрожащими руками пересчитала монеты.

— Два серебра. Мы богаты?

— Мы наняты, Уголёк. Это деньги хозяина. Или ты думаешь, письма и печки, которые работают сами, бывают бес-

платными?

Я высыпала монеты в баночку — это будет моя касса. Свои личные деньги спрятала в другой карман, отдельно.

Глава 8

Покупатели пошли чередой. Не то чтобы у дверей выстроилась давка, но колокольчик стабильно звякал каждые полчаса. Кто за парой имбирных лепёшек, кто за вишнёвыми корзинками.

Одна дородная дама с видом генеральши взяла сразу пять штук, обронив, что к вечеру ждёт гостей к чаю.

— У вас, милочка, талант, — заявила она, приняхиваясь к корзиночкам. — Прямо как у старой хозяйки. Даже лучше. Она, знаете ли, иногда пересаливала.

* * *

К закату витрина опустела полностью. Ни крошки, ни забытого изюма.

— Ну что ж, — выдохнула я, обессилено опускаясь на стул. — Первый день за нами.

— Ты вела себя достойно, — одобрил Уголёк. — Ни разу не уронила пряник и не назвала покупательницу «мадам». Прогресс.

— Я вообще-то два раза чуть не назвала. Вовремя прикусила язык.

Я вытащила из ящика тетрадь.

Рецептов здесь была целая гора. Ореховые, медовые, слоёные, песочные и даже экзотические. Один такой назывался «Дыхание дракона». Только от одного названия по спине

пробежал холодок.

— Завтра нужно разнообразить ассортимент, — прикинула я вслух. — Постоянным клиентам быстро надоест одно и то же.

Вставать придётся затемно. Чтобы успеть к открытию рынка, нужна фора в пару часов. А я, человек, который в прошлой жизни считал подвигом подняться к девяти...

— Как бы разбудить себя вовремя? — пробормотала я, глядя на Уголька. — Ни петуха, ни колокола...

И тут сверху раздался механический скрежет. Я задрала голову. На стене висели массивные деревянные часы с резным циферблатом — днём я их не заметила. Стрелки замерли на пяти. Маленькая дверца над цифрой «двенадцать» распахнулась, и оттуда вылетела деревянная птица.

— КУ-КУ! КУ-КУ!

Я подскочила так, что стул жалобно скрипнул и едва не перевернулся. Баночка с вырубкой звякнула, а Уголёк, взлетев на метр от подоконника, зашипел, распушив хвост до размеров ёршика для бутылок.

— Проклятье! — выкрикнула я, хватаясь за сердце.

Кукушка невозмутимо отработала пять раз и скрылась. Я сидела, вцепившись в край стола. Пульс бил в виски — в такт её «ку-ку».

— Часы, — выдохнула я. — С кукушкой. В этом мире есть механические часы с кукушкой.

— Ну, — Уголёк начал медленно приглаживать шерсть,

— ты хотела будильник? Получай. Пернатая сволочь. И, кстати, я их не заводил. А ты?

Я замерла. Часы шли сами. Как и печь. Как и свечи.

— Этот дом либо проклят, либо благословлён, — прошептала я.

— Либо и то, и другое одновременно, — философски заметил кот. — Что, кстати, довольно точно описывает и тебя.

Я нервно рассмеялась. Всё ещё теплилась надежда, что это затянувшийся сон. Что сейчас лягу — и проснусь дома, под тёплым одеялом, и кот будет просто котом. С этой мыслью я засыпала каждую ночь. И каждое утро просыпалась здесь. В этом чёртовом средневековье.

— Ладно, — я поднялась, потирая затёкшую шею. — Нужно проверить припасы.

В подвале обнаружился рог изобилия: мёд, орехи, сушёные травы. Но не хватало муки, масла, яиц. И ванили — ни крупички. А без ванили пекарь не пекарь.

— На всё это уйдёт целое состояние, — вздохнула я, пересчитывая монеты в баночке.

Накинув плащ, отправилась на рынок. Уголёк идти отказался — заявил, что «весь день работал».

— Ты весь день спал на подоконнике!

— Это была глубокая медитация, — не открывая глаз. — Я охранял лавку на тонком плане. Ты не поймёшь.

Я махнула рукой и вышла.

Рынок к вечеру пустел. Мука и масло обошлись в несколь-

ко медяков, но за стручок настоящей ванили пришлось отдать целое серебро. В мясном ряду самый дешёвый кусок говядины стоил баснословно. Продавец, заметив, что я беру кости для похлёбки, сделал скидку и подмигнул.

— Мясо здесь дороже пряностей, — прошептала я, отсчитывая монеты.

— Эй, девушка! — окликнула торговка фруктами. — Это вы сегодня в лавке на Травяной были? Какие же у вас лепёшки! Соседка дала попробовать, я чуть язык не проглотила.

«Они пряники лепёшками называют?» — мелькнуло в голове, но я вежливо улыбнулась и кивнула.

Она протянула мне три перезревшие, медово-коричневые груши. Плату брать отказалась наотрез:

— Всё равно до завтра не долежат, а выбросить жалко. Зайду завтра — угостите пряником, вот и сочтёмся.

В лавку я вернулась в сумерках. Уголёк даже не сменил позы. Я съела одну грушу — она была такой сладкой и нежной, что мгновенно растаяла во рту. Приступила к готовке ужина. Чугунок с мясом уютно зашкворчал на печи, наполняя комнату дурманящим ароматом.

Мы ели молча, и вкус горячего, жирного бульона казался мне верхом блаженства. Впервые я действительно наелась.

После сытного ужина я сидела, прислонившись спиной к тёплой печи. Как меня *накрыло*.

Сначала тепло. Потом — тяжёлые ладони на груди. Шершавые, уверенные. Чужое дыхание коснулось шеи. Сухие гу-

бы — края уха.

Я вскрикнула и отшатнулась, опрокинув стул. В комнате пусто. Только Уголёк встревоженно смотрел в тёмное окно.

— Чужой?

— Нет... — прошептала я, прижимая руки к груди. Кожа в том месте буквально горела. — Мне... показалось.

«Ни черта не показалось мне. Это было её воспоминание».

— Ты бледная, как сама смерть, — заметил кот. — Может, зараза какая?

— Просто устала, — соврала я, вытирая холодный пот со лба.

Доела вторую грушу, перемыла посуду и расстелила одеяло на полу. Тепло от печи обволакивало, но мысли не давали покоя.

Чьи это были руки? Того желтоглазого? Или принца Фенха?

— Ох, прости, что я это увидела.

Я потрогала свою ладонь. Это было чертовски странно — проживать чужую жизнь, чувствовать чужие прикосновения на своей коже.

— Проживаю чью-то чужую жизнь...

Я закрыла глаза.

«Пожалуйста, пусть утром я проснусь дома...»

Глава 9

Кукушка выстрелила из своих покоев ровно в три.

— КУ-КУ! КУ-КУ!

На этот раз я не подскочила — просто открыла глаза и уставилась в потолок.

Где-то на кройке сознания промелькнула расплата с пернатой.

— Проклятье... — прохрипела я, садясь.

Уголёк недовольно фыркнул, закопавшись глубже в одеяло, но глаз не открыл. Я позавидовала его способности игнорировать реальность.

Я ведь не заводила их. Почему этот пернатый будильник сработал именно в три?

— Может, у хозяина пунктик насчёт дисциплины? — пробормотала я зевая.

Свеча вспыхнула сама, стоило мне подойти к ней. Печь уже вовсю работала, словно кто-то разжёл её час назад и терпеливо ждал моего пробуждения.

— Умная печь, пунктуальная птица, — буркнула я, натягивая платье. — Вот бы ещё кто-нибудь завтрак в постель подавал с кофе. Господи, как же я хочу хотя бы глоточек эспрессо. Маленький. Хотя бы даже самый паршивый.

На столе, как и в прошлый раз, лежало письмо, придавленное новенькой серебряной монетой. Я начала читать вслух:

«Доброе утро. Вчерашние пряники удались на славу. Корзинки с вишней были чуть суховаты — добавьте в тесто ложку масла и не передержите в печи.

Не забудьте, что просили приготовить Вас на заказ. Сделайте побольше и запросите за каждое печенье по 2 серебряника. Рецепт — на второй странице тетради. И да, это ваша зарплата за вчера. Удачного дня. С уважением Хозяин.»

— Что за... — прошептала я, вертя монету. — Пробирается ночью. Дегустирует. И не показывается.

— Ага, — подал голос Уголёк из-под одеяла. — Судя по критике — лично. Пока ты спишь.

«Деньги то я люблю, но в чём проблема прийти днём ко мне и лично поговорить?».

Я открыла тетрадь.

Печенье с корицей решила сделать побольше. Тесто вышло мягким, маслянистым, с густым запахом корицы, от которого кружилась голова. Я раскатала, посыпала, свернула рулетиками, нарезала — и в печь.

Пока пеклись, замесила медовые соты, ореховые палочки. К восходу на столе стояли ряды пряников. Я выложила витрину, пригладила волосы.

Дверь открылась в восемь.

Первой зашла та вчерашняя покупательница, но сегодня у неё было приподнятое настроение.

— Доброго утра! — Она всплеснула руками, увидев вит-

рину. — Ой, а это что? Корица?

— Как вы и просили. Специально по вашему заказу.

— Да вы что! — Она схватила один завиток, отломала, сунула в рот. — Господи... Господи, какая же прелесть. Я три штуки возьму. Нет, четыре. И медовых этих тоже. И вон тех ореховых — два.

Следующей вошла дама в шляпке — из тех, кто смотрит на прилавок как на подчинённого. Дорогое платье, кружева, на пальце кольцо с камнем размером с небольшую сливу. Она оглядела витрину так, будто выбирала себе мужа.

— Это всё вы испекли?

— Да.

— А почему так мало? У вас вчера быстро разобрали, я не успела.

— Сегодня больше, — заверила я. — И завтра будет ещё больше. Обещаю.

Она забрала почти все медовые квадратики. Заплатила, не глядя. На пороге обернулась:

— Вы, я смотрю, новенькая. А лавку чью взяли?

— Мне под присмотр хозяин оставил, — уклончиво ответила я.

— Ну, с такой выпечкой не пропадёте, — она одобрительно кивнула. — Только закупайтесь не в городе. Здесь очень дорого. Вниз по дороге, час пешком, есть поселение. Там и мука дешевле, и масло, и яйца.

— Спасибо, — сказала я. — Обязательно схожу.

День тянулся медленно, но покупатели шли. Не поток, но баночка заполнялась. Кто за одним пряником, кто за тремя. Пришлось поставить ещё пару противней с печеньем и лепёшками — моя чудо-печь справлялась на ура.

За весь день успела подметить, что люди здесь были другие. Не те, что в первом городе. Чистые лица, хорошая обувь, приветливые. Женщины заходили с корзинками, оставляли монеты, иногда болтали.

Из разговоров я узнала, что город Вельх стоит на торговом пути. Здесь живут те, кто имеет дело с королевским двором.

Не зная, что такое королевский двор, было бы подозрительно, поэтому я кивала и поддакивала.

— А замок? — спросила я одну покупательницу, упаковывая ей имбирные лепёшки.

— О, вы не были? — Она округлила глаза. — В двух днях пути, на холме. Сама королева там бывает, когда приезжает. А так — управляющий, стража, вся знать. Оттуда, — она понизила голос, — все указы идут. И налоги.

— И далеко отсюда?

— А вы что, из глуши? — Женщина усмехнулась, но без злобы. — Вельх — ближайший город к замку. Потому у нас и цены такие. Богатые едут, платят не глядя.

К вечеру, когда витрина опустела наполовину, я села на стул и выдохнула. От запахов еды сводило желудок.

— Нужно взять перерыв и купить еды...

Я нарисовала на двери мелом: «ПЕРЕРЫВ». Накинула

плащ и с котом на руках отправилась в таверну. За три медяка мне даже положили небольшую котлету. Поделилась с Угольком. Сама не наелась. Денег почти не осталось.

Поплелась домой.

Уже подходя к лавке, заметила фигуру в капюшоне. Когда подошла ближе — увидела, как он поднял голову и принюхался. Ноздри едва заметно дрогнули. Знакомые глаза переливались золотом.

Я могла бы убежать. Могла бы спрятаться. Но ноги сами понесли меня вперёд — потому что если он выследил меня здесь, то найдёт и в любом другом месте.

Я выпрямила спину и прошла в лавку. Мужчина молча зашёл следом. Уголёк встал на дыбы и зашипел так, как никогда раньше.

Сняла плащ и прошла за прилавков.

Горло сжималось от страха, но голос как по мне прозвучал ровно.

— Вам что-то положить?

Мужчина молчал, в упор изучая моё лицо. Зрачки пульсировали, а золото заливало радужку. Взгляд стал невыносимо тяжёлым. Я не могла отвести глаза в пол и даже пошевелиться.

— Ты хочешь сказать, что не узнала меня?

Наваждение схлынуло, когда я сделала резкий шаг назад.

— Я недавно здесь, не всех покупателей помню, — прочистив горло, сказала я.

Он шагнул ко мне. Я нащупала за спиной кочергу.

— Боишься меня, стерва?

Я сильнее сжала металл. Пальцы онемели, но кочерга в руке лучше, чем ничего.

— Мужчина, если вы пришли сюда угрожать — уходите. У меня перерыв закончился на пустые разговоры.

Он остановился.

Золото в глазах потускнело, зрачки сузились. Потом что-то в его лице дрогнуло.

— Ты не Роза...

— Вы тоже не тюльпан, — огрызнулась я, чувствуя, как возвращается дерзость. — Либо покупайте, либо на выход.

Он бросил взгляд на печенье с корицей.

— Мне парочку. С собой.

Я трясущимися руками упаковала заказ. Он выложил на прилавок золотую монету. На пальцах блеснули тяжёлые перстни.

— Не хотел напугать, — произнёс он тише. — Я обознался. Хорошего дня.

Он вышел так же бесшумно, как появился.

Я сползла по стене на пол, прижимая кота. Всё тело дрожало.

— Он нашёл её, — прошептала я. — Нас нашёл...

— Видимо, следил, огнеплюй, — проворчал кот, угрожающие смотря на дверь.

— Он назвал меня Розой. Её звали Розой...

Я с трудом поднялась. Ноги подрагивали. Подошла к столу, взяла монету. На ней был отчеканен герб — дракон с расправленными крыльями.

— А разницу нам?

— Это не наши деньги, Уголёк. Хозяина увижу — спрошу, можно ли забрать разницу.

Остатки я распродала быстро. Последнее забрали мальчишки — громкие, но забавные. Они ввалились в лавку гурьбой, толкаясь и споря, у кого больше медяков.

— Мальчики, — решила я, — а золотая монета — это сколько серебряных?

Самый старший, вихрастый и веснушчатый, посмотрел на меня как на человека, который только что вылез из пещеры.

— Вы что, из леса вышли?

— Допустим, — не стала спорить я.

— Золотой — это десять серебряных, — заявил он.

— А если на монете дракон?

— Это королевская чеканка, — встрял второй, поменьше, но с умными глазами. — Такие только у знати водятся. Или у тех, кто с ней дела имеет. Простым людям золотых не дают, только если за большую работу или с войны принесут.

Я присвистнула про себя. Десять серебряных. За две печенки. Мужик с жёлтыми глазами либо полный идиот, либо очень богатый идиот.

— А герб, — добавил веснушчатый, — это королевский дракон. Королева на нём ездит, когда войну ведёт. Или про-

сто для красоты.

— Драконы не существуют, — возразил третий, самый маленький.

— Существуют! В замке говорят, одного видели на севере!

— Врут!

— Не врут!

Я слушала их перепалку и чувствовала, как внутри всё холодеет. Монета с драконом — королевская чеканка. Он птица высокого полёта. А судя по тому, что назвал её стервой... отношения у них были так себе.

— А если такой монетой расплатиться на рынке, — спросила я, — не спросят, откуда взялась?

— Спросят, — охотно кивнул веснушчатый. — У нас каждая золотая на учёте. Если не знатная семья, то сразу дознаватели приходят.

Дознаватели. Отлично. Просто прекрасно. Я сунула мальчишкам по прянику и выпроводила их, пока они не начали задавать лишние вопросы.

— Итак, — сказала я, когда дверь закрылась. — Наш клиент — не просто огнеплуж, а богатый огнеплуж. Связи с короной. И он ищет какую-то Розу, которая, судя по всему, была хозяйкой этого тела.

— И которая, возможно, наварила зелье для принцессы и её за это убили, — добавил Уголёк.

— И которая теперь я, — закончила я мысль. — Спасибо,

что напомнил. А то я уже начала забывать.

Кот спрыгнул с подоконника, подошёл к баночке с монетами, заглянул.

— Может, он хотел тебе напомнить монетой, кто ты? Такой тонкий королевский троллинг?

Я закрыла баночку крышкой, убрала в ящик под прилавок. Денег набралось прилично, даже без золотого. Хватит на завтрашнюю закупку. А золотой... с золотым будем разбираться отдельно.

Заперла дверь, задёрнула занавески. Погасила свечу, легла на тёплый пол. Уголёк пристроился под боком, замурчал. На стене тикали часы, отсчитывая время до утра.

"Если он придёт снова, что я скажу? И зачем он вообще приходил? Искать Розу? Или убедиться, что она действительно мертва? И что будет, когда он поймёт, что в теле Розы живу я?"

Глава 10

Кукушка вылетела в три.

Я уже не дёргалась — просто открыла глаза и слушала сухой стрекот механизма, мысленно умоляя пернатую сволочь замолчать. Совести у неё не было.

Уголёк спал, свернувшись калачиком у меня под боком. Я осторожно выскользнула из-под одеяла — разбуженный кот страшнее демона, проверено.

Свеча зажглась сама. Печь уже гудела, выбрасывая ровный жар. Но на привычном месте письма не было.

Вместо него — свёрток, перевязанный бечёвкой, и медный ключ на ленте. Я развязала. Внутри — стопка рецептов и записка:

«Сегодня испеките это. Ключ от тайного подвала — там специи получше и кофе. Золотую монету оставьте себе. Хозяин».

Я перечитала строчку про кофе трижды.

Кофе. Настоящий кофе. В этом мире.

— Если бы ты знал, Уголёк, — прошептала я спящему коту, — ты бы сам побежал.

— Я кот, — донеслось из-под одеяла. — Мне достаточно сливок. Иди пей свои горькие зёрна. Дай поспать.

«Невыносимое создание».

Я сунула ключ в карман и спустилась в подвал.

Обычный погреб кончался у стены — грубый камень, плесень в углах, запах земли и сушёных трав. Я нащупала щель в полу, нажала. Вниз посыпалась труха — мелкая, колючая, — и открылся лаз.

— Тайная комната, — пробормотала я, карабкаясь вниз.
— Чего ещё ждать от этого дома?

Подвал оказался небольшим, но уютным. Стеллажи с баночками, на каждой — аккуратная этикетка: корица, ваниль, кардамон, гвоздика, имбирь. В углу — жестяная банка с надписью: «кофе, зерно».

Крышка щёлкнула.

Горький, терпкий аромат ударил в лицо, вышибая слёзы. Я зажмурилась. На секунду — дом, утро, привычная жизнь. Банка тут же оказалась под мышкой.

Варить кофе пришлось на печи, в глиняном кувшинчике. Я насыпала зёрен, залила водой, ждала — и всё это время внутри пульсировало нетерпение.

Когда отпила первый глоток, горечь растеклась по телу, прочищая голову, разгоняя остатки сна. Горячо. Хорошо. Почти как дома.

— Господи, — выдохнула я. — Спасибо.

Кому — хозяину, дому или просто вселенной? Не знаю. И не важно.

К восходу солнца я испекла всё, что велел хозяин.

Новые рецепты оказались сложнее: слоёные язычки с корицей, песочные корзинки с заварным кремом, маленькие

булочки с изюмом и цукатами. Крем не загустел с первого раза — пришлось переделывать, и второй блин тоже вышел комом в прямом смысле слова.

Но кофе придавал сил и мотивации, а кукушка, к счастью, больше не высовывалась.

К открытию витрина ломилась. Я выставила ряды — золотистые, румяные, пахнущие на всю улицу, — поправила вывеску и впустила первых покупателей.

Торговля шла бойко. К полудню, когда дверь скрипнула, я подняла голову.

На пороге стояла *Астрид*.

Умытая, с расчёсанными волосами, но с потерянным взглядом. В руках — пустая корзина.

— Можно? — спросила она тихо.

Я кивнула. Она вошла, оглядела лавку. Я быстро сунула руку в баночку с монетами, вытащила золотой и спрятала в карман. Не то чтобы не доверяла — просто после прошлого раза осторожность не помешает.

— Красиво у тебя, — сказала Астрид, не оборачиваясь. — Уютно.

— Спасибо. — Я поправила фартук. — По делу?

Она повернулась. Глаза на мокром месте.

— Хайди, я... — она запнулась, сглотнула. — Мне негде ночевать. Три дня уже на улице. Я думала, устроюсь куда-нибудь, но никому не нужна такая.

— Астрид...

— Я знаю, что подвела тебя, — перебила она, и голос у неё дрогнул. — Знаю, что нельзя верить таким, как я. Но мне больше не к кому пойти. Совсем.

Она отвернулась, и я увидела, как её плечи затряслись. Астрид плакала. Молча, без звука, только вздрагивала.

— Иди сюда, — сказала я и обняла её.

Она замерла — а потом уткнулась мне в плечо и разрыдалась в голос. Я гладила её по волосам. Сама три дня назад была на её месте. Мне просто повезло с лавкой.

— Слушай, — сказала я, когда она успокоилась. — Я не могу обещать. Хозяина ни разу не видела, он общается записками. Не знаю, разрешит ли он кого-то заселить. Но сегодня оставайся. А там посмотрим.

Астрид подняла голову, вытерла лицо рукавом.

— Правда? — прошептала она.

— Правда.

Астрид снова обняла меня — на этот раз сама, и так сильно, что у меня, кажется, хрустнули рёбра.

— Спасибо, Хайди! Спасибо!

— Ладно, ладно, — я мягко отстранила её, хватая ртом воздух. — Только сначала помоги мне с покупателями. А то я одна не справляюсь.

Астрид тут же преобразилась. Вытерла лицо, поправила волосы, оглядела лавку хозяйским взглядом.

— Ох, какая же у тебя тут безвкусица. Как можно торговать в такой серости? Посетителям нужен уют. Занавески

хотя бы повесить яркие, цветы на окна поставить. А вон там, — она кивнула на пол, где я спала, — это вообще не дело. Тебе нужна нормальная кровать, а не одеяло на полу, как у нищенки.

— А я и есть нищенка, если ты забыла.

— Забудь. Теперь ты — хозяйка лучшей пекарни Вельха.

Я только вздохнула. К её характеру ещё привыкать и привыкать. Но спорить не стала — в конце концов, занавески и правда не помешали бы.

— Потом обсудим, — сказала я. — Сейчас покупатели пойдут.

И они пошли. Сразу несколько женщин заглянули на запах корицы, и я не успевала ни заворачивать, ни считать монеты. Астрид встала за прилавок и включилась так, будто всю жизнь только этим и занималась. Она улыбалась, сыпала комплиментами, рассказывала, какая выпечка свежая, а какая сегодня «особенная, только для избранных». Одна дама ушла с тремя корзиночками вместо двух, другая прихватила лишнюю булочку «для внучки».

— Вы бы ещё медовых взяли, — щебетала Астрид, упаковывая заказ. — У нас мёд с собственной пасеки, хозяин сам собирает.

Я покосилась на неё. Никакой пасеки у нас не было. Но женщина радостно добавила к покупке горку медовых сот.

— Собственная пасека? — шепнула я, когда покупательница вышла.

— Мелочи, — отмахнулась Астрид. — Это же лучше, чем «мёд из подвала от невидимого хозяина, который, возможно, призрак»?

К середине дня витрина почти опустела. Я пересчитала выручку — вдвое больше, чем вчера. Астрид настолько профессионально убалтывала людей, что они платили больше и оставляли чаевые на новые занавески. Она сидела на стуле, уставшая, но довольная.

— Ты молодец, — сказала я честно. — Без тебя я бы столько не продала.

— Это всё твоя выпечка, — отмахнулась она. — Я только языком молола.

— У тебя это хорошо получается.

Астрид хмыкнула, но глаза отвела. А потом после небольшой паузы сказала — уже другим, деловым тоном:

— Слушай, я тут подумала. Если ты будешь печь больше, можно продавать не только здесь. Я могла бы ходить с корзиной по городу, по дворам. Там, где люди не доходят до лавки. Многие купят с рук, особенно если дать попробовать.

Я нахмурилась.

— И как ты себе это представляешь? Я отдаю тебе продукты, ты их продаёшь, а потом...

— Делим, — быстро сказала Астрид. — Половину тебе, половину мне. Или две трети тебе, если так спокойнее.

— Нет. Это выпечка хозяина. Я лишь пеку и продаю. Я не могу раздавать чужое.

— Тогда я могу продавать по ценам выше, чем в пекарне, а разницу делить. Пекарня своё получит, а мы — своё.

Идея была здравая. Очень даже здравая. Но внутри всё сопротивлялось — тот самый внутренний голос, который после предательства Астрид стал громче будильника.

— Я подумаю, — сказала я наконец.

— Конечно, — кивнула Астрид, и по её лицу я поняла, что она всё поняла. — Думай сколько нужно. Если ты не против, я сегодня остатки распродам?

Она встала, оглядела витрину — на оставшиеся пряники смотрела как полководец на поле боя.

— Всё равно до вечера зачерствеют. Я попробую пройтись по Западной улице, там дома побогаче.

Я помедлила, но кивнула. Астрид быстро собрала оставшиеся пряники в корзину, перевязала тряпицей.

— До вечера, — сказала она и выскользнула за дверь.

Я постояла, глядя ей вслед, потом вздохнула и начала закрывать лавку. Уголёк всё ещё спал на стуле, разметавшись, как тряпка. Я сунула под плащ кошель с деньгами, прихватила список продуктов и три пустые сумки. Кот даже ухом не повёл — после сытного ужина он спал весь день без задних лап.

Дорога в поселение, о котором говорила покупательница, заняла даже меньше часа. Я шла по пыльному тракту, прижимаясь к обочине, когда мимо проносились телеги. Солнце пекло нещадно, но я упрямо двигалась вперёд, вспоминая

приметы: свернуть у старого дуба, потом мимо мельницы, а там уже и рынок видно.

Где-то на середине пути мне показалось, что за мной следят. Шаги сзади, шорох гравия. Я обернулась — дорога была пуста. Только ветер лениво гонял пыль.

— Это всё просто нервы, — сказала я себе и пошла дальше. — Нервы и три ночи с грёбаной кукушкой.

Рынок в поселении оказался небольшим, но заманчиво дешёвым. Я набила сумки мукой, яйцами и зеленью так, что лямки едва не лопались. Пытаясь перехватить тяжёлую сумку, я почувствовала необычайную лёгкость.

Я дёрнулась, подняла голову — и замерла.

Передо мной стоял *он*.

В простой рубахе, без капюшона, жёлтые глаза щурились на солнце с выражением сдержанного любопытства.

Тот мужик из дома, он держал мои сумки, набитые мукой, как пушинки — кажется, для него они ничего не весили.

— Вы ч-что делаете? — выдохнула я.

— Помогаю вам, — спокойно ответил он. — Вчера я вёл себя отвратительно. Хочу загладить свою вину.

«Помочь? Нет. Ни за что. После того как он назвал меня стервой? После того, как я проснулась с ним в одной постели? Спасибо, не надо. Но сумки тяжёлые, а до лавки далеко...»

«И он уже взял их сам. И идёт. И чёрт с ним. Просто иду следом. Слишком близко. Надо отстать. Но ноги не слуша-

ются...».

Я заглянула в список и прикинула, что с такой помощью можно взять и ещё пару мешков про запас. Мы нашли торговца, и я купила несколько килограммов.

Мы прошли ещё несколько рядов. Я покосилась на него — он шёл за мной покорно, как молчаливый охранник, ни разу не попытавшись заговорить. Я то и дело оглядывалась, проверяя, не сбежал ли он с моими продуктами, но нет — шагал рядышком, а на лице застыло выражение человека, который решил, что таскать сумки для незнакомой девушки — это достойное и горделивое занятие.

Я остановилась у мясного прилавка. Торговец — красно-мордый, с руками в крови — лениво перебирал куски.

— Почём курица? — спросила я, выживая из кошелька свои крохи.

— Для вас, дама, десять медяков, — оскалился он, подмигнув с намёком. — И поцелуй в придачу.

Я пересчитала монеты. Ровно десять. На говядину уже не хватало. А поцелуй за курицу? Ну... в другом мире, с другим телом... Не так уж и дорого, в принципе...

— Хорошо, — сказала я, протягивая деньги.

Но не успела — чья-то рука с серебряными монетами легла на прилавок рядом с моими медяками.

— Нам говядину, — сухо сказал мой носильщик. — И одну тушку курицы.

Торговец выпучил глаза, быстро смел серебро, засутил-

ся, заворачивая мясо с такой скоростью, будто от этого зависла его жизнь. Возможно, так и было — я бы на его месте тоже не стала спорить с человеком, у которого глаза горят золотом.

Я скрестила руки.

— Спасибо, конечно, но у меня нет денег вам отдать.

Он взял свёртки, сунул их в сумку. Движения уверенные, как будто он всю жизнь занимался упаковкой мяса.

— А я просил отдавать?

— Тогда зачем? — я прищурилась. — Зачем вам это?

Он помолчал, глядя куда-то в сторону, и я заметила, как на скулах заходили желваки.

— Что-то нужно ещё купить?

«Вопросом на вопрос значит...».

— Нет. Идём-те. Вам ещё продукты тащить. Да и вечереет уже.

Дорога обратно прошла в молчании. Солнце клонилось к закату, тени вытягивались, и где-то вдалеке залаяла собака. Я шагала впереди, спиной чувствуя его присутствие — тяжёлое, но странно успокаивающее.

— Мы так и не представились друг другу, — сказала я, когда впереди показались крыши Вельха. — Я Хайди.

Я протянула ему руку для рукопожатия — как привыкла в своём мире: коллегам, партнёрам, случайным знакомым. Он остановился и посмотрел на мою ладонь так, словно она была чем-то вымазана.

— Кайдан.

Все сумки он одним движением переместил в одну руку, а мою взял свободной — и поцеловал. Губы сухие, горячие, чуть задержались дольше, чем нужно...

— Приятно познакомиться... — почти прошептала я, чувствуя, как щёки начинают гореть.

Так гореть, что, кажется, рядом с моим лицом можно было печь пряники.

— Взаимно, — отозвался он, и в жёлтых глазах на мгновение мелькнуло что-то, похожее на усмешку.

* * *

Мы дошли до лавки. Он поставил сумки у порога, развернулся.

— Спасибо, — сказала я в спину.

— Не за что.

Я занесла продукты внутрь, заперла дверь на засов. Уголёк всё ещё спал. Астрид до сих пор не вернулась. Я опустилась на стул, вытащила золотой из кармана и долго смотрела на него, вертя в пальцах.

— Дракон, корона, чья-то нелепая щедрость. И этот мужчина, который носит мои сумки и платит за мою говядину. Как-то всё странно и запутанно.

— Станный у тебя ухажёр, — раздалось с полу.

Я подскочила. Уголёк сидел и смотрел на меня с высоты своего кошачьего превосходства — выпавшийся, гладкий и, судя по выражению морды, готовый давать непрошенные

советы.

— Он не ухажёр...

— Конечно, — кот зевнул. — Просто носит твои сумки и покупает тебе мясо. Так все делают. Я вон вчера видел, как соседский пёс носил сумки своей хозяйке. Тоже, наверное, просто знакомый.

— Сравнил тоже...

— А что, есть разница?

Я закатила глаза, но промолчала. Спорить с котом, который считает, что все мужики делятся на «кормящих» и «бесполезных», было выше моих сил.

Астрид вернулась, когда уже стемнело. Влетела запыхавшаяся, с пустой корзиной, и высыпала на прилавок горку монет.

— Всё продала! — выдохнула она. — Даже крошек не осталось. На Западной улице одна дама чуть не подралась с соседкой за последнюю булочку.

Я пересчитала выручку. Астрид принесла почти столько же, сколько я заработала за первую половину дня.

— Твоя доля, — я протянула ей треть.

Она покачала головой.

— Я же сказала — всё твоё. Оставь. Мне и переночевать хватит.

Я посмотрела на неё. На её осунувшееся лицо, на руки, которыми она торгует мои пряники и при этом не берёт лишнего.

— Астрид, — сказала я. — Оставайся. И завтра тоже. А там посмотрим.

Она моргнула, и я снова увидела, как её глаза наполняются слезами.

— Не вздумай только реветь, — сказала я строго. — Лучше помоги ужин приготовить.

Она рассмеялась, вытирая глаза, и кинулась к печи.

Мы ели говядину с хлебом, запивали водой, и Астрид всё болтала о том, какие занавески повесить и где взять нормальную кровать. Я слушала вполуха, но внутри было тепло. Впервые за долгое время.

Перед сном я вспоминала строчки из дневника Розы: *«Он смотрел на меня своими жёлтыми глазами и молчал»*.

— Спокойной ночи, — сказала я в темноту.

— Спокойной, — ответили Астрид и Уголёк почти одновременно.

Глава 11

Утро началось с кукушки.

Я уже привыкла и даже не вздрогнула — просто открыла глаза. Полежала глядя в потолок, давая себе мысленно обещание когда-нибудь разобрать эту пернатую конструкцию на запчасти.

Астрид спала рядом, свернувшись калачиком, и тихо посапывала. Уголёк, который обычно занимал мою подушку, сегодня перебрался к ней и дрых, разметавшись у неё на груди, всем своим видом говоря: «Я нашёл себе вторую прислугу, и она теплее тебя».

— Предатель, — шепнула я ему и осторожно встала

Свеча зажглась сама, печь уже гудела — дом проснулся раньше меня, впрочем, как и всегда. Я подошла к столу и замерла.

На столе лежало письмо, рядом два кошелька - один маленький и кожаный, другой побольше, из плотной ткани. Я развернула лист.

«Доброе утро. Ваша подруга может оставаться. Пеки-те больше — теперь вас двое, и покупателей будет больше. Астрид может продавать выпечку на улице, но с условием, что в карман ничего не уходит. Всё — в общую выручку. В малом кошельке — пять серебряных для Астрид. Это её задаток и первая зарплата. Во втором — два серебряных вам.

Вы забрали большую часть вчерашней выручки, это ваша доля. Интерьер я менять не против. На вырученные сегодня деньги можете купить занавески и посмотреть мебель. В подсобке перестановка приветствуется.

И да — зайдите в туалет. Хозяин».

Подошла к двери, которая вела в туалетную комнату — ту самую, где ещё вчера стояло ведро и лежали тряпки. Но сегодня, где вчера сиротливо скучала пустая бадья, теперь возвышался душ. Простая медная лейка торчала из стены, а в полу чернело отверстие для стока. Ни шторы, ничего — но зато вода.

Я протянула руку и дёрнула за цепочку.

Сверху брызнула тёплая вода.

— Что за чудеса... У меня теперь горячий душ. В средневековом городе. В доме, которым управляет, кажется, невидимый маг с чувством юмора.

Я вернулась в комнату, разбудила Астрид. Та села, зевнула, потянулась — волосы дыбом, глаза мутные.

— Ты чего так рано? — пробормотала она, почёсывая Уголька. — Ещё даже петухи не орали.

— Письмо от хозяина.

Я прочитала вслух. Астрид слушала сначала сонно, потом её глаза становились всё шире, а на последних словах она подскочила так, что кот кубарем скатился с неё на пол.

— ПЯТЬ СЕРЕБРЯНЫХ? — заверещала она, выхватывая кошелёк. — МНЕ? ПЯТЬ?

Она высыпала монеты на ладонь, пересчитала, пересчитала снова и вдруг заорала от радости так, что Уголёк зашипел и отпрыгнул под стол.

— ТИШЕ ТЫ! — рывкнул кот, но Астрид его не понимала.

Она скакала по комнате, тряся кошельком и вопя:

— Пять! Пять серебряных! Это же просто чума!

Уголёк попытался улизнуть, но она схватила его на лету и принялась тискать, прижимая к груди.

— Осторожнее с котом! — крикнула я, но Астрид уже кружилась с ним по комнате, а он, к моему удивлению, даже не вырывался — только смотрел на меня с выражением *«спасите»*.

Когда буря радости немного улеглась, Астрид опустила Уголька на пол, перевела дух.

— Твои две — это довольно честно, — сказала она, кивнув на второй кошелёк.

Астрид сунула монеты за пазуху, оглядела комнату.

— Слушай, а душевая — это где? Он же написал...

Я кивнула на дверь. Астрид заглянула и ахнула.

— Этого вчера не было...

— Знаю.

— Кто он такой?

— А вот этого не знаю.

Мы переглянулись. Астрид первой отвела взгляд.

— Ладно. Раз уж у нас есть чеканки и душ, то сначала —

готовка, потом — мыться и за одеждой. Смотреть на твоё платье больше сил нет.

Я посмотрела на себя.

Платье, которое я нашла в сундуке в первом городе, уже давно превратилось в рабочую робу — всё в муке, в масле, с пятнами от крема. И запах... даже приятный аромат специй не мог перебить запах немытого тела, который накопился за несколько дней.

— Я бы с удовольствием помылась, — призналась я.

Астрид закатала рукава.

— Сначала тесто.

Мы работали вдвоём, и дело пошло быстрее.

Астрид оказалась сообразительной. Я показала ей один раз, как месить тесто для имбирных лепёшек, а она схватывала на лету. К третьей партии уже сама раскатывала и вырезала кружочки.

— У тебя талант, — сказала я, смазывая кремом песочные корзинки.

— Мать у меня хорошо пекла, — ответила она коротко и замолчала.

Повисла пауза. Я не стала спрашивать. У каждого в этом мире был свой скелет за пазухой, и я не имела права лезть в её шкаф. Особенно, учитывая, что я и сама имела — свой живой скелет...

К открытию мы успели всё. Витрина ломилась, и пахло так, что даже прохожие заглядывали в окна.

— Теперь мыться, — объявила Астрид, вытирая руки. — И одежда. Нам ещё на рынок за занавесками. Чур я первая, ты вторая.

Пока она мылась, я обслужила нескольких покупателей. В шкафу нашла одежду для нас двоих. Она была мешковатой и большой, но это лучше, чем то, что сейчас на мне.

Одежду Астрид я подсунула ей под дверь. Через минут двадцать она вышла довольная.

— Там есть мыло. Так что иди купайся.

Я зашла в комнату. Сняла платье. Вода была тёплой, мягкой, и когда она потекла по голове, по спине, я чуть не застонала от удовольствия. Впервые за много дней — горячая вода, мыло, чистота.

Я мылась долго, намыливая волосы, пока вода не потекла прозрачной.

"Почему он это делает? Дом, работа, душ, кофе, золотые монеты..."

— Зачем ты это делаешь? — прошептала я в пустоту.

Но к сожалению стены не умели отвечать на вопросы. Вылезла, надела одежду, которая пахла... ничем.

Несколько часов мы ещё работали. С Астрид всё пошло быстрее — она ловко обслуживала покупателей, сыпала комплиментами и даже нарисовала что-то вроде ценников на товары. Цены на них были явно выше, чем те, что я ставила в первый день. Я хотела возмутиться, но вовремя заметила, что никто не жалуется.

Выждав момент, я решила немного разобрать вещи. Раз хозяин дал добро на обновление, нужно начинать с места, где мы спим. Пока рылась в шкафу, услышала, как Астрид разговаривает с кем-то у прилавка.

— Здравствуйте. Сегодня у нас прекрасные медовые соты, свежие, только из печи, рекомендую...

Её перебили.

— Где Хайди? — спросил знакомый мужской голос.

Я узнала его мгновенно. Низкий, с лёгкой хрипотцой.

— Она пока занята, — пропела Астрид. — Чем я могу вам помочь?

Я вышла сама. На пороге стоял Кайдан. Он увидел меня — и осмотрел с ног до головы. Медленно, тщательно, словно искал что-то в моей новой, чистой одежде. Или в моём новом, чистом лице.

— Добрый день, — сказала я, подходя ближе.

— Добрый.

— Могу чем-то помочь?

— Да. Мне как обычно.

Я сама подошла к витрине. Взяла два печенья с корицей, положила в пакет. Он молча смотрел, как я заворачиваю, и не отводил взгляда. Астрид за моей спиной затаила дыхание.

— Сколько? — спросил он, когда я протянула кулёк.

— Три медяка, — сказала я, хотя обычно брала больше.

Астрид за моей спиной, кажется, подавилась воздухом от жадности. Я услышала сдвленный кашель и мысленно по-

обещала себе выдать ей премию за молчание.

Он полез за деньгами. Но Астрид вдруг шагнула вперёд — стремительно, как акула на запах крови, — и сверкнула улыбкой.

— А может, господин хороший, оставите нам не просто за печенье? — пропела она. — Мы тут как раз собираем на обновление. Кровать, занавески, всякое такое. Взнос дополнительный не желаете сделать?

— Астрид! — я одёрнула её, чувствуя, как щёки начинают гореть.

Кайдан перевёл взгляд с меня на неё, потом на дверь в подсобку, которая была приоткрыта. Там на полу всё ещё лежало моё одеяло — единственное, на чём мы спали.

— Вы спите на полу?

— Ну да.

Астрид развела руками с видом «вот такое у нас убежище».

— Кровати пока нет. Спим на полу, как бродяжки. Хозяйка вон вообще на одеяле спит, как сиротка.

— Астрид, прекрати! — прошипела я, отдёргивая её за рукав. — Прекрати сейчас же, это невежливо!

Она сделала вид, что не слышит. Кайдан молчал несколько секунд, мысленно переваривая слова Астрид. Потом достал из кармана монету. Золотую. Положил на прилавок, не спрашивая, и подвинул ко мне.

У Астрид глаза засверкали, как два сигнальных огня. Я

быстро схватила монету, сунула ему обратно в руку.

— Нет. Не нужно. Мы сами.

Он не глядя — протянул её обратно, но уже Астрид. Та цапнула монету быстрее, чем я успела моргнуть, прижала к груди и отвесила такой поклон, будто перед ней был сам король.

— Благодарствую, господин! — пропела она. — Ваше великодушие не забудем! Век воли не видать, как говорится!

— Астрид! — Я повернулась к ней, чувствуя, как во мне закипает злость пополам со стыдом. — Ты с ума сошла? Так унижаться?

— А чего тут унижительного? — она даже не смутилась, сунула монету за пазуху. — Это первый взнос в наше дело.

— Какое ещё дело? — зашипела я. — Как мы золотым расплатимся? Они же все на учёте, мальчишки говорили. Если кто узнает — дознаватели придут, и нас повяжут. Ты об этом подумала?

Астрид махнула рукой, как будто речь шла о пустяке.

— Я разберусь. Не впервой. Деньги любят, когда их тратят с умом.

Она подбросила монету, поймала и рассмеялась.

— Сегодня у нас будет нормальная кровать!

Кайдан, который всё это время стоял молча, перевёл взгляд на меня. В его глазах не было ни осуждения, ни насмешки — только странное, почти тёплое внимание. Мне хотелось сгореть со стыда, что он всё это слышал.

— Вы позволите? — спросил он.

Я выдохнула, сдаваясь. Против Астрид с золотой монетой и Кайдана с непроницаемым лицом у меня не было ни единого шанса.

— Спасибо, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Правда. Но я... мы как-нибудь вернём.

— Не надо, — ответил он. — Считайте это платой за хорошее печенье. И за компанию по дороге.

Он чуть склонил голову, бросил короткий взгляд на Астрид, которая уже прикидывала столбиком, сколько останется после покупок, и вышел.

Я стояла, сжав кулаки, и пыталась унять дыхание.

— Астрид, — начала я медленно. — Ты хоть понимаешь...

— Понимаю, — перебила она, и голос её вдруг стал серьёзным. — Но нам нужно на что-то жить. Тем более он сам захотел помочь. Ты видела его лицо? Ему это было приятно. Он ушёл с видом человека, который сделал доброе дело и ему понравилось.

— Ты намекнула!

— Я намекнула. А он согласился. — Она подошла, взяла меня за руку. — Хайди, посмотри на себя. Ты спишь на полу, носишь одно платье, моешься непонятно где. Хозяин твой, конечно, молодец, но он не видит, что у тебя под боком. А я вижу.

Я хотела возразить, но Уголёк вдруг прыгнул со стула,

подошёл к Астрид и громко заурчал, обтираясь о её ногу, как предатель.

— А я говорил, — сказал он, глядя на меня, — что она неплохая. Всем людям нужно давать шанс. Особенно тем, кто умеет добывать золото.

Я скрестила руки на груди и посмотрела на кота с таким осуждением, на какое только была способна.

— Ты, рыжий, переобулся, как только для тебя появилась выгода.

— Я всегда за честную торговлю, — парировал Уголёк, продолжая тереться о ногу Астрид. — И мне нравится, когда в доме есть мясо.

— Кот мяукает? — удивилась Астрид, нагибаясь, чтобы погладить его. — Смотри, какой ласковый! Я думала, он только на тебя мурчит и шипит...

— Он выражает благодарность, — буркнула я. — Очень громко.

Пока я снимала фартук, Астрид уже стояла у двери, подбрасывая на ладони золотой.

— Астрид, если с этой монетой что-то случится...

— Не случится. — Она сунула её в потайной карман, который, кажется, был зашит в подкладку платья. — Я умею обращаться с деньгами.

Мы вышли на улицу, и я прикрыла дверь, оставив Уголька сторожить лавку. Он устроился на подоконнике и смотрел нам вслед с видом сытого правителя.

Рынок уже начинал затихать, но лавки с одеждой и мебелью ещё работали. Астрид вела меня уверенно, как будто всю жизнь здесь торговала.

— Сначала кровать, — объявила она. — Столяр обещал скидку сделать.

— Ты что, умудрилась про кровать спросить, когда гуляла?

— Да, а что?

— Ничего, — прошипела я. — Просто я думала, ты пряники продаёшь, а не разведку проводишь.

— Одно другому не мешает.

Кровать мы нашли быстро — простую, деревянную, но внешне довольно крепкую. Торговец согласился привезти её утром. Астрид поторговалась, сбила цену на треть, и я смотрела на неё с уважением, смешанным с ужасом. С таким талантом ей бы в моём мире продавать подержанные машины — озолотилась бы за месяц.

— Теперь одежда, — потянула меня Астрид в следующий ряд.

В лавке у круглолицей торговки мы задержались дольше. Я взяла два платья — синее и зелёное, из плотного льна, оба удобные, без дурацких шнуровок. Астрид выбрала себе серое с ярким поясом и долго крутилась перед мутным зеркалом, придирчиво разглядывая себя.

Мы купили ещё занавески — яркие, с вышитыми цветами, — горшок с мятой, кусок мыла и пошли домой. Солнце

уже садилось, окрашивая крыши Вельха в оранжевый.

— Завтра с утра кровать привезут, — сказала Астрид, шагая рядом лёгкой, почти танцующей походкой. — Поставим в подсобке. И занавески повесим.

— И будем спать как люди, — добавила я.

— И будем спать как люди, — повторила она, и в голосе у неё прозвучало что-то, похожее на гордость.

У дверей лавки она вдруг остановилась.

— Хайди, а тот мужчина. Он знал тебя раньше? До того, как ты пришла сюда?

— С чего ты взяла?..

— Ну, никто не даёт золото просто так. Тем более с драконом на чеканке...

— Откуда?.. Астрид, ты что, шарилась по моим карманам?!

— Ну... Я просто нашла. Случайно. Почти.

— Астрид!

— Ладно-ладно, молчу. — Она толкнула дверь. — Уголёк! Мы вернулись! Твоя хозяйка всё ещё злая, а я принесла новые занавески.

Кот прыгнул с подоконника, прошёлся вокруг нас, обнюхал сумки. Потом запрыгнул на стул и начал вылизываться, делая вид, что его не интересует наша суета. Но я заметила, как он косится на Астрид с явным одобрением.

Мы разобрали покупки, перемыли посуду. Астрид всё прикидывала, куда лучше повесить занавески, а я сидела на

стуле, пила остывший кофе и слушала её болтовню. Внутри было спокойно. Почти уютно.

— Завтра, — сказала она, зевая, — у нас будет настоящий дом.

— У нас...

Астрид уснула быстро, свернувшись калачиком на своём одеяле. Уголёк устроился у меня под боком, тихо мурлыкая. Я лежала в темноте, слушая, как тикают часы, и думала о том, что завтра привезут кровать, а послезавтра нужно печь больше — и что над всем этим, как дамоклов меч, висит один и тот же вопрос.

Чего хочет Кайдан? И когда наконец покажется хозяин?

Глава 12

Первая странность случилась сегодня ночью.

Я проснулась от того, что в комнате стало темно — хотя перед сном оставляла свечу возле изголовья. Встала, потянулась к фитилю. Свеча погасла. Но не догорела — воска осталось на полночи, фитиль был цел, только слегка дымился, будто кто-то только что задул.

Я зажгла её снова, легла. Через минуту она погасла опять.

— Уголёк, — позвала я шёпотом.

— Мр-р-р? — донеслось со спины Астрид.

— Свеча гаснет.

— Мр-р-р...

— Сама...

— Ну и пусть. Тебе то что? — проворчал Уголёк.

Я зажгла её в третий раз и села, прислонившись к стене. Ждала. Свеча горела ровно, не моргая, но в тишине отчётливо скрипнула половица — раз, другой, словно кто-то невидимый прошёлся от двери к столу.

Под утро я всё-таки уснула, а когда проснулась, свеча была потушена, а на столе рядом с ней лежала ложка. Моя ложка, которой я мешала тесто. Я точно клала её в ящик.

— Уголёк, это ты?

— Что — я? — Кот зевнул, потянулся.

— Ложка.

— А что ложка?

— Она здесь.

— Ну и что? — Он спрыгнул с подоконника, прошёлся по столу, обнюхал ложку. — Маслом пахнет. Может, ты сама положила и забыла.

— Я её в ящик убирала. Закрывала ящик.

Кот посмотрел на меня с осуждающим выражением «и что с того».

— Хайди, ты в доме, где печь зажигается сама, а из стены течёт тёплая вода. И тебя удивляет, что ложка переложилась?

Я хотела возразить, но он был прав.

И всё же я решила проверить. Днём я нарочно положила ту же ложку на видное место и ушла в подвал. Вернулась через полчаса — ложка лежала в ящике. Я вытащила и положила её на стол. Ушла за мукой — вернулась, ложка снова в ящике.

Я посмотрела на Астрид, которая передвигала мебель.

«Нет. Ты бы точно такой ерундой не занималась...».

Не долго думая, я решилась спуститься в подвал. В тот самый тайный закуток с дорогими специями. За стеллажами я нашла нишу, а в ней — книгу.

Кожаный переплёт, потёртый, старый. На обложке — вытесненный знак, похожий на перевёрнутую каплю. Я открыла. Страницы пожелтели, чернила выцвели, но почерк был разборчивым.

«Дом помнит того, кто в нём живёт. Дом ждёт. Если вы читаете это — значит, прежней хозяйки больше нет, а новая ещё не знает, что она здесь главная».

Я перевернула страницу.

«Я, Вильгельмина Травница, оставляю этот дом тому, кто сможет его услышать, понять и принять. Он не злой. Он просто... старый, немного ворчливый. Ему нужен хозяин или хозяйка. Если вы чувствуете, как он двигает вещи, зажигает свечи, закрывает окна — не бойтесь. Он так с вами общается. Если вы пришли с добром, он примет вас. Если со злом — он выставит вон».

В этот момент свеча в подвале, вдруг ярко вспыхнула — и погасла. А через секунду зажглась снова, уже ровным, тёплым огнём. Словно дом прочитал вместе со мной и дал ответ.

Я села прямо на земляной пол, прислонившись к стеллажу. Книга выпала из рук.

— Ведьмин дом, — прошептала я. — Я живу в ведьмином доме?

Я перелистнула ещё.

«Дом любит, когда его наполняют запахами. Хлеб, травы, молоко — это ему нравится. Если вы печёте — он будет вам благодарен. Если вы ссоритесь — он станет скрипеть половицами. Если вы плачете — он зажжёт свечи, чтобы вам было не так темно».

— Ладно, — сказала я, закрывая книгу. — Пусть будет дом. Главное, чтобы не поджёг нас во сне из вредности.

Я вернулась в лавку, спрятала книгу в ящик стола и заставила себя вернуться к привычным делам. Утро пролетело незаметно за замесом теста и разговорами с Астрид, а ближе к позднему обеду привезли кровать.

Возчик сгрузил детали у порога.

— Собирать не буду, не моя работа, — и уехал, оставив нас с грудой досок, болтов и кривой инструкцией.

— Это ж сколько возиться, — вздохнула Астрид, беря в руки железный ключ.

— Ничего, справимся, — сказала я, но оптимизма не было.

Мы принялись за дело. Астрид держала спинку, я пыталась прикрутить ножку. Болт не лез, ножка шаталась, и через десять минут я уже взмокла.

— Так не пойдёт, — сказала я, вытирая лоб.

— Давай я попробую, — предложила Астрид.

Мы поменялись. Стало только хуже. Ножка никак не хотела вставать ровно, и я уже начала злиться, когда в лавке раздался знакомый голос.

— Добрый день.

Я подняла голову. На пороге стоял Кайдан. В простой рубахе, без плаща, жёлтые глаза смотрели на кучу досок, на меня, стоящую на коленях с задравшимся подолом, на Астрид, которая пыхтела с другой стороны.

— Помочь?

— Нет! — выпалила я, одёргивая платье вниз. — Спаси-

бо. Мы сами. Вы нам уже достаточно и так помогли.

Он не ушёл. Подошёл ближе, присел на корточки рядом, оглядел эту чудовищную конструкцию.

— Тогда мне не следует говорить, что эта ножка стоит не той стороной?

Я посмотрела на ножку, потом на схему, потом снова на ножку.

— Так вот почему она не стоит нормально! — Я стукнула себя ладонью по лбу.

Астрид, которая всё это время молчала с лицом заговорщицы, вдруг сказала:

— Я сейчас, тут покупатели! — и выскочила в лавку, оставив нас вдвоём.

Я принялась откручивать болт, переворачивать ножку, возилась, пыталась и совершенно не заметила, как платье снова задралось. Вернулась в реальность только тогда, когда Кайдан — без единого слова — аккуратно взял меня за подол и одёрнул его вниз. Его пальцы на секунду задержались на ткани, и я физически ощутила их тепло сквозь лён. Прямо кожей.

— Простите, — сказал он спокойно. — Не хотел, чтобы вы... мёрзли.

Я открыла рот, закрыла. Он взял из моих рук болт и ключ, быстро и ловко закрутил ножку, проверил, ровно ли стоит, и перешёл к следующей.

У него получалось неплохо. Хотя чего греха таить. Полу-

чалось так, как у меня не получалось никогда. Я сидела на полу, обхватив колени, и смотрела, как его широкие руки уверенно соединяют детали.

«Он просто живёт в этом мире дольше, — успокаивала я себя. — Он знает, как собирается здешняя мебель».

Когда он закончил, поднял готовую кровать — целую, крепкую, ровную — и перевернул её одним движением, как пустую коробку, я поняла, что дело не только в опыте.

— А шкафы... — начала я, показывая на тяжёлые деревянные шкафы, которые пыталась сдвинуть утром и не смогла.

Он переставил их так, будто они весили не больше подушки. Я замерла, глядя, как ровно встают шкафы по стенам.

Признаться честно, даже позавидовала. И восхитилась. И немного испугалась.

— Я даже не знаю, как вас благодарить, — сказала я, поправляя выбившийся локон.

Он выпрямился, отряхнул руки от опилок:

— Поужинаете со мной?

Я подняла голову.

— Ч-что?

— Сегодня вечером. После вашей работы. Я зайду за вами?

Я смотрела на него, пытаюсь найти причину отказать. Причина не находилась. Мне нужно было узнать о Розе. Он — единственный, кто знал её. А ещё я вдруг поймала себя на

мысли, что мне и не хочется отказывать. Что где-то под страхом, под недоверием, под бесконечным «он опасен» — мне просто хочется пойти.

— Хорошо. Я согласна.

Он взял мою руку, наклонился и поцеловал. Прямо в ладонь. Я почувствовала тепло его губ, шершавость кожи — и внутри что-то дрогнуло.

— Тогда до вечера, — сказал он и вышел из подсобки, прошёл через лавку, не взяв печенья, и исчез за дверью.

Я стояла посреди подсобки, глядя на свою руку, и чувствовала, как разгорается румянец.

Астрид влетела через секунду.

— А он что, печеньки сегодня не будет брать?

— Видимо, перед ужином аппетит не хочет портить...

Астрид подняла бровь. Одну. Медленно.

— Ужином? — переспросила она. — Понятно...

На секунду в лавке воцарилась тишина. А потом она завопила.

— УЖИНОМ? ВЫ СЕГОДНЯ ВМЕСТЕ?!

Я кинулась к ней, зажимая рот ладонью.

— Тише ты! Всех распугаешь!

Она отбивалась, смеялась, вырывалась, но вдруг остановилась и посмотрела на меня уже серьёзно.

— Всё, иди, — затараторила она, подталкивая меня к подсобке. — Я здесь всё сама сделаю. Иди, иди!

— Но покупатели же...

— Справлюсь! — Она уже закрывала за мной дверь. — Иди мыться, переодеваться, чтобы выглядела как человек!

— Астрид!

— Иди, говорю!

Дверь захлопнулась и я осталась в комнате одна. Уголёк сидел на полу и смотрел на меня с выражением, которое я не могла считать.

— Что? — спросила я.

— Ничего, — ответил он. — Просто думаю, что твоя жизнь становится подозрительно интересной. Ещё неделю назад ты бегала от вил, а теперь у тебя свидание с мужчиной и кровать с балдахином.

— Кровать без балдахина.

— Значит, балдахин подарит на следующем свидании.

Я посмотрела на себя в маленькое зеркало.

Растрёпанные волосы, замурзанное лицо, платье в муке. Ведьмин дом, тайная книга, золотые монеты с непонятными изображениями — и ужин с мужчиной, у которого необычные глаза.

Который временами пахнет гарью. Который лёг в постель с мёртвым телом Розы, а теперь стоит на пороге, целует мне ладонь и говорит «замёрзнете».

— Что только это за жизнь? — прошептала я своему отражению.

Глава 13

Кайдан пришёл ровно в тот час, когда Астрид выпроводила последнего покупателя и с чувством выполненного долга задвинула тяжёлый засов.

Я ждала в подсобке, уже умытая и с аккуратно уложенными волосами.

Оно было простым, чистым, но достаточным ли? Я понятия не имела, куда он намерен меня вести. В таверну? На тайную вечеринку с факелами и ритуальными плясками?

— Хайди, — позвала Астрид из зала, и её голос звучал так, будто она объявляла выход королевы. — Твой пришёл.

Я вышла. Кайдан замер у порога с плотным серым свёртком в руках, перевязанным бечёвкой.

— Это вам, — сказал он, протягивая подношение. — Отказ не принимается.

Внутри оказались мягкие штаны из тёмной добротной ткани, рубашка из тончайшего льна и роскошный тёмно-синий плащ с тяжёлой серебряной застёжкой. Я провела пальцами по ткани. Вещь была по-настоящему дорогой. Такую точно никто не дарит случайной пекарше.

— Я... благодарю.

— Не хотел, чтобы вы мёрзли, — мягко произнёс он.

Я поймала себя на мысли, что эта фраза звучит пугающе знакомо. Видимо, вид моего задранного платья при нашей

первой встрече нанёс его мужскому самолюбию неизгладимую травму.

Штаны сели идеально, рубашка чуть великовата в плечах, но плащ скрыл все огрехи. В зеркале на меня смотрела незнакомка — та, которую я пока не знала и немного побаивалась.

— Красиво, — Астрид прислонилась к прилавку и хитро улыбнулась. — Иди уже, не томи человека. А то он тут весь порог истоптал.

Кайдан ждал у двери. Стоило мне подойти, он галантно согнул руку в локте.

— Вы готовы?

— Да, — выдохнула я, принимая его приглашение.

Мы долго шли через засыпающий город — мимо запертых лавок, мимо пустых торговых рядов, мимо фонтана, в котором плескалась лунная дорожка.

Вельх сворачивался клубочком, как Уголёк перед сном. Кайдан молчал, и я была благодарна этой тишине: не нужно было изворачиваться и плести легенды о своём прошлом.

Я шла под руку с мужчиной, который при второй встрече назвал меня стервой, а теперь покупает мне мясо, дарит одежду и целует ладони.

«Я окончательно сошла с ума, — думала я. — Самоубийца. Нужно было хотя бы нож с кухни прихватить...»

Но ноги упрямо шли вперёд.

У самой воды покачивалась небольшая лодка под лёгким

навесом. Внутри уютно мерцали свечи в стеклянных фонарях, отбрасывая на воду длинные золотые дорожки, а на низком столике теснились тарелки с едой и кувшины.

— Здесь очень красиво, — призналась я совершенно искренне.

Вода дрожала в отсветах огней, а на иссиня-чёрном небе проступали первые крупные звёзды — такие яркие, каких я в городе никогда не видела.

Золото в его глазах словно вспыхнуло изнутри, отражая свет.

— Я рад, что вам нравится.

Он помог мне спуститься в лодку. Та качнулась, я ойкнула и невольно вцепилась ему в плечо. Кайдан даже не шелохнулся — лишь внимательно наблюдал, как я пытаюсь усесться, не свалившись за борт и сохранив остатки достоинства.

— Спасибо, — пробормотала я, поспешно убирая руки.

— Почему вы решили переехать именно в Вельх?

— Ближайший крупный город, — я аккуратно взяла ложку. — К тому же здесь спокойно.

Мне до смерти хотелось расспросить его о Розе, но страх сковал язык. Он заговорил первым — и от его слов я едва не выронила салфетку:

— Простите за ту ночь в доме. Я просто искал знакомую... она очень похожа на вас. Внешне.

Я уставилась на пламя свечи, пытаюсь унять внутреннюю дрожь.

«Знакомую. Или мёртвую женщину? Что ты там вытворял, когда лежал с ней рядом? Проверял пульс? Или просто спал, как ни в чём не бывало?»

От его внезапного прикосновения к моей руке я вздрогнула, едва не опрокинув бокал.

— Хайди? Всё в порядке?

— А?..

— Вы словно не здесь, — в его голосе прозвучало что-то, похожее на беспокойство. — Как вы себя чувствуете?

— Просто устала, — я зачерпнула рагу. — Рагу просто волшебное. Вы нашли отличного повара.

Кайдан ел удивительно аристократично — я невольно выпрямила спину, проверяя, правильно ли сама держу приборы.

— Я старался не жалеть специй для вкуса, — заметил он.

— Вы сами готовили?

— Да, — его улыбка на мгновение погасла, а взгляд затуманился. — Можно задать несколько нескромный вопрос?

Откусывая хлеб, я кивнула.

— Что вы помните о том дне? Как оказались в том доме?

Я поперхнулась крошкой, закашлялась и судорожно отпила вина.

«Это проверка. Он проверяет, знаю ли я то, что знала Роза. Или проверяет, не Роза ли я».

— Какой необычный вкус у вина... — проговорила я, оставляя бокал. — Что это за сорт? Местный?

— Об этом я расскажу вам на втором ужине, — парировал он, и в глазах мелькнула усмешка.

— Вы уже приглашаете на второй?

— Настаиваю.

Я заметила, что на его руках сегодня нет колец. Перстни с тёмными камнями, которые я видела при первой встрече, исчезли. Он оделся проще — без демонстрации статуса.

Специально? Чтобы я расслабилась? Или чтобы не привлекать внимания?

— Я ничего не помню, — сказала я, отпивая ещё глоток для храбрости. — Проснулась, испугалась вас и убежала. Весьма позорно, если честно.

— Я настолько страшен? — он иронично изогнул бровь.

— Предпочитаю просыпаться в постели в гордом одиночестве, — отчеканила я. — Такова моя маленькая особенность.

Он улыбнулся, но его пальцы на мгновение сжали ножку бокала сильнее, чем нужно. Серебро чуть скрипнуло.

— Что ж, — сказал он, поднося руку ко рту, чтобы скрыть усмешку, и откинулся назад, глядя в звёздное небо. — Тогда мне придётся постараться, чтобы следующее пробуждение вам понравилось больше.

Я сделала вид, что не услышала, и подняла голову к звёздам.

— Вы понимаете что-нибудь в звёздах? — спросил он, не опуская головы.

— В детстве я обожала космос, — неожиданно для самой себя призналась я. — У меня была книга с картами неба, я могла часами придумывать про них истории. Глупые, детские.

— Расскажите одну?

Я нашла самое яркое скопление.

— Вон там, видите? Три звезды рядом. Я в детстве называла их Тремя сёстрами. Будто жили три девушки на берегу моря. И все три влюбились в одного — простого рыбака, который каждое утро уходил в море и каждый вечер возвращался. Однажды он не вернулся. Сёстры ждали его по очереди — каждую ночь одна из них выходила на берег и смотрела на воду, пока не переставала различать горизонт. Так прошла вся их жизнь. Когда умерла последняя — море наконец выпустило рыбака обратно. Но берег был пуст. Он поднял голову и увидел их на небе. Три звезды рядом. Они продолжали его ждать, просто уже там.

Пока я говорила, он не сводил с меня глаз. Его взгляд то и дело соскальзывал с моих глаз на губы — я чувствовала это кожей.

Когда я это заметила, он наигранно откашлялся и потянулся к кувшину:

— Грустный финал. Слишком много ожидания и слишком мало действия.

— А что бы вы сделали?

— Сделал бы всё, чтобы вернуться раньше. — Он посмот-

рел мне прямо в глаза, и золото в них вспыхнуло ярче. — Или вообще не уходил.

Повисла неловкая пауза. Я не нашлась с ответом, и тогда он поднял бокал:

— Выпьем за то, чтобы у нашей истории была хорошая концовка.

Мы чокнулись. Он пил медленно, не отрывая взгляда от моего лица, и мне вдруг стало невыносимо душно. Я плотнее запахнула плащ.

— Вам холодно?

— Немного прохладно. И уже поздно, завтра рано вставать.

Он без возражений помог мне выбраться на берег.

По пути домой, я всё же решилась спросить.

— Кайдан, как вы меня нашли? Вы ведь не случайно оказались у лавки.

— У вас очень запоминающийся аромат. К тому же люди болтали о черноволосой красавице, которая печёт лучшие пряники в городе.

«Запоминающийся аромат. Он выследил меня по запаху. Прямо как при нашей первой встрече — принимался...».

Всю обратную дорогу мы говорили о местной природе — о лесах, о реках, о водопадах, которые он обещал мне показать.

— Там недалеко, но место уединённое, — сказал он, когда впереди показалась Травяная улица. — Очень красивое. Я

мог бы как-нибудь вас проводить.

— Я бы очень хотела это увидеть.

Фонари у лавки почти догорели, и его лицо было наполовину в тени.

— Спасибо вам за вечер, — сказала я, останавливаясь у двери.

Он взял мою руку, поцеловал кончики пальцев. Чуть улыбнулся — той самой улыбкой, от которой хотелось то ли сбежать, то ли шагнуть ближе.

— Вы не против перейти на «ты»? — неожиданно для самой себя спросила я.

Щёки пылали, как две маленькие печки. Вино, не иначе. Исключительно вино.

— Я только за, — он снова коснулся губами моих пальцев. — И тебе спасибо за вечер.

Я скрылась за дверью и тут же прильнула к окну, как девочка. Он постоял секунду, поправил волосы — и в этом простом, почти бытовом жесте мне почудилась странная, уставшая нежность, — а потом растаял в тени.

Дома было тихо.

Астрид и Уголёк спали, свернувшись в один большой уютный клубок посреди новой кровати.

Я быстро переоделась и легла с краю. Лёгкое головокружение от вина помогло мгновенно провалиться в сон.

Глава 14

Пернатое чудовище вылетело в семь.

Я открыла глаза, уставилась в потолок и не поверила — никогда ещё в этом мире не просыпалась так поздно. Видимо, вчерашнее вино и ночная прогулка лишили меня сил полностью, даже дом не стал спорить.

— Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

— Да слышу я! — рявкнула я, натягивая платье через голову.

Астрид кряхтела, сползая с кровати.

Волосы у неё торчали во все стороны. Лицо было заспанным и помятым, будто это она вчера дегустировала вино, а не я.

Уголёк, которого согнали с насиженного места, мявкнул что-то возмущённое и перебрался на подоконник.

Печь уже гудела — дом, как всегда, позаботился о нас. Я быстро умылась, привела волосы в порядок, и мы принялись за тесто.

— Ну, как вчера прошёл вечер? — Астрид хитро прищурилась.

— Хор-р-рошо, — протянула я, чувствуя, как предательски теплеют щёки. — Даже слишком хорошо.

— Вы целовались? — Она немедленно отодвинула миску и упёрлась кулаками в стол.

— Нет, — отрезала я, отворачиваясь к печи. — Пора закидывать партию, а то не успеем открыться.

— Значит, целовались. — Астрид ухмыльнулась. — Или почти. У тебя сейчас голос такой же, как у кухарки с прошлой работы, когда та врала, что не ела хозяйский сыр. А сыр, между прочим, исчез. И у тебя на лице точно такой же румянец.

— Пора закидывать партию, Астрид.

Она закатила глаза, цокнула языком, как умудрённая опытом сваха, но больше не лезла. По крайней мере, на пять минут.

Уже к восьми в лавку потянулись первые покупатели — и постоянные, и новые лица. Астрид встречала их своей лучезарной улыбкой, той самой, от которой даже самая скупая старуха доставала лишний медяк.

Я до сих пор удивлялась, как быстро она могла расположить к себе незнакомцев.

— О, а это у нас сегодня новенькое? — спросила дама в очках, указывая на золотистые кругляши, только что вынутые из печи.

— Пряники с имбирём и мёдом, — подхватила Астрид с интонацией заправского аукциониста. — Хозяйка специально для вас испекла. Говорят, от простуды помогают. А от плохого настроения — и подавно.

Женщина ушла, сияя, с целым кульком. Я покачала головой:

— Астрид, там имбиря на полногтя. Лечебного эффекта

— кот наплакал.

— И что? Зато настроение подняли. Главное, чтобы клиент ушёл счастливым. И с пустым кошельком. Но это уже мелочи.

К середине дня мы продали больше половины. Народ понемногу рассосался, и я уже хотела предложить Астрид перекусить, как дверь открылась снова.

Вошли трое.

Мужчина — широкоплечий, с добрым, открытым лицом, в простой, но чистой рубаше. Женщина — светловолосая, с уставшими, но тёплыми глазами. И между ними, за руки, — девочка лет шести. Кудрявая, с веснушками на носу, в синем платье с вышитыми цветами.

— Пап, смотри, какие пряники! — заверещала она, прижимаясь носом к витрине.

— Тише, Ровена, — мягко сказала женщина, но без строгости.

Мужчина подошёл к прилавку, улыбнулся.

— Доброго дня. Нам, пожалуйста, пять имбирных, три медовых и две корзиночки с вишней. Дочка у нас сегодня именинница.

— Пять лет! — гордо объявила девочка, выставив вперёд растопыренную ладошку.

— С днём рождения! — Астрид просияла, быстро упаковывая заказ. — Какое красивое имя — Ровена. Редкое.

Девочка засмеялась, прижалась к материнской ноге. Женщина погладила её по голове, а мужчина обнял их обоих — просто, по-хозяйски, одним широким движением.

Я улыбнулась, протягивая свёрток.

— С вас пять медяков.

Мужчина расплатился, подхватил дочку на руки, и семья вышла, оставив за собой запах счастья и приятного тепла на душе.

Я повернулась с улыбкой к Астрид — и уголки губ медленно поползли вниз.

Она стояла, вцепившись в край прилавка, и смотрела в закрывшуюся дверь. Лицо у неё было белое, а губы сжаты.

— Астрид?

Она вздрогнула.

— Что? Всё нормально.

— Нет, ненормально. — Я шагнула ближе, положила ладонь на её напряжённое плечо. — Что случилось?

Она отвела взгляд и омыла лицо ладонями. Потом отошла к стулу, села, уставилась в пол. Я присела рядом, прямо на корточки, и молча ждала.

— У меня тоже была семья, — выдохнула она наконец. — Я была такая же, как эта девчонка. Кудрявая, с веснушками. Меня тоже так на руках носили. И за пряниками водили. И платица с вышивкой у меня тоже были.

Я молчала, боясь спугнуть момент. Даже Уголёк на подоконнике затих, приоткрыв один глаз и наострив уши.

— Мама умерла, когда мне было всего двенадцать, — продолжила она, глядя в пол. — Папа... он не справился. Начал пить. А потом приводить в дом чужих женщин. Они командовали, орали и забирали всё, что оставила мне мама. Серьги, платья, да даже несчастный гребень. А меня...

Астрид сглотнула.

— Меня они сделали легальной рабыней. Я стирала их бельё, мыла за ними посуду, а когда одна из них заставляла меня за маминым зеркальцем — била по лицу. Прямо зеркальцем. В пятнадцать я сбежала. Отец даже не заметил.

Она подняла на меня наполненные глаза, но она не плакала.

— Я не хочу, чтобы ты считала меня воровкой, — сказала она. — Я украла твой кошелёк тогда, на привале, потому что привыкла, что никто ничего не даст просто так. А потом, когда ты меня простила... мне стало так стыдно, что я сбежала. А вернулась, потому что поняла — я, кажется, потеряла единственного человека, который принял меня такую, какая я есть.

Я протянула руку, накрыла её холодные и дрожащие пальцы.

— Я тебя вовсе не считаю воровкой.

— Правда? — Она смотрела с надеждой — и в этот момент была совсем девчонкой, той самой кудрявой, которую носили на руках.

— Правда. — Я сжала её руку. — Ты молодец, что при-

шла, и что рассказала. Без тебя я бы... — я кивнула в сторону кровати, — не купила бы даже её.

Астрид шмыгнула носом, отвернулась, вытерла глаза рукавом.

— Спасибо. Я постараюсь не подвести.

Я тепло улыбнулась. Она кивнула и ушла в душ — приводить себя в порядок.

Уголёк, который всё это время дремал на подоконнике, приоткрыл один глаз.

— Хорошо, что мы дали ей шанс, — сказал он лениво. — Умеешь ты чувствовать хорошее в людях.

— Да, может, ты и прав, — вздохнула я.

К вечеру мы закрыли лавку раньше обычного — выпечка кончилась, а новых сил печь уже не было.

Я сидела на стуле. Пила остывший кофе.

Астрид перебирала какие-то старые бумажки.

Я сделала последний глоток и с наслаждением вздохнула.

И тут меня накрыло.

Видение пришло резко.

Мужчина лет тридцати, в дорогой одежде. Голубые глаза — яркие, холодные. Он протягивает склянку с мутной жидкостью.

— Эта подойдёт?

Я — нет, не я, а Роза — беру склянку, встряхиваю. Осадок хлопьями падает вниз, медленно кружась.

— Она, — отвечаю я, то есть она...

Он улыбается и подходит ближе, кладя на моё плечо прохладную руку.

— Умница, — говорит он, и от этого «умница» веет холодом.

Я вынырнула. Резко вдохнула, будто вынырнула из ледяной воды.

Астрид уже ушла, видимо, в душевую.

Свечи начали гаснуть одна за другой. Дом готовился ко сну и не хотел, чтобы я сидела в темноте с открытыми глазами.

— Какая же у тебя была насыщенная жизнь, Роза, — прошептала я, обращаясь к той, чьё лицо видела в зеркале каждое утро. — Жаль только, что расплачиваться за неё, кажется, придётся мне.

Глава 15

Я как раз достала из печи свежую партию печенья, когда колокольчик над дверью звякнул.

— Добрый день, — раздался низкий, спокойный голос, и от этого голоса у меня волосы на загривке встали дыбом ещё до того, как я успела обернуться.

Краем глаза глянула на пузатую стеклянную банку на полке — она давно служила мне импровизированным зеркалом, в котором отражался вход.

Паника ледяной волной подступила к горлу.

На пороге стоял мужчина. Белые, почти серебряные волосы, чуть взъерошенные ветром. Дорогой плащ, небрежно перекинутый через плечо. Но главное — глаза. Голубые, яркие, с тем самым холодным ледниковым блеском, который я видела в своём видении.

Тот самый человек, что давал Розе склянку.

— Одну минутку! — выпалила я и, не оглядываясь, пулей влетела в жилую комнату, где Астрид расчёсывала волосы перед зеркальцем.

— Подмени меня! — прошипела я, юркая в ванную и запирая засов.

В ушах стучало с такой силой, что, казалось, это слышно через дверь.

За стеной послышался звонкий голос Астрид:

— Добрый день! Чем могу помочь?

— Мне нужна хозяйка этой лавки, — произнёс мужчина.

Тон — ровный, вежливый, но без тени тепла. — Или тот, кто ею управляет.

— Хозяйки нет, она в отъезде, — не моргнув глазом соврала Астрид. — Приедет — передам, что заходили.

— Что ж... Передайте ей, когда вернётся, что заходил Фенх. Пусть как можно быстрее свяжется со мной. У меня к ней важное дело.

Фенх. Значит, действительно он.

Тот самый, кто навещал Розу перед её исчезновением. Тот, кто заказывал зелье для принцессы.

Я осела на пол, чувствуя, как по спине течёт холодный пот. В дверь внезапно постучали. Я коротко вскрикнула — и тут же сама зажала себе рот.

— Он ушёл, выходи, — раздался голос Астрид.

Я осторожно приоткрыла дверь, выглядывая, как мышь из норы.

— Хайди, это что ещё за важная птица была? — Астрид упёрла руки в бока, но без злости — скорее с любопытством. — Белый, как лунь, а смотрит, как удав на кролика. Ты ему что, денег должна? Или чего похуже?

— Птица бывшего полёта, — выдохнула я, поправляя платье. — Наверное.

Астрид только бровь вскинула, но расспрашивать не стала — в лавку зашла покупательница, и она мгновенно пере-

ключилась.

— Я в подвал. Посмотрю запасы. Если что...

— Тебя нет. — Астрид уже улыбалась вошедшей женщине. — Добрый день! У нас сегодня имбирные лепешки с мёдом...

Я спустилась в подвал, зажгла свечу. Руки всё ещё дрожали. Я прошла в дальнюю часть, туда, где нашла книгу Вильгельмины. Присела на корточки, провела пальцами по стене.

Тайная комната с пряностями была, но это не то. Что-то должно быть ещё. Что-то, что связывало Розу, Фенха и бывшую хозяйку этого дома. Склянки, рецепты, записи.

Я ощупывала холодный камень в поисках хоть какой-то зацепки. Нажимала на выступы, дёргала полки. Ничего. Только гладкие стены, только запах специй и сухих трав.

— Ну где же... — прошептала я в пустоту.

Сколько я так просидела — не знаю. Может, пять минут, а может, и полчаса. Время в этом подвале текло странно — густо, как мёд.

Я не слышала шагов. Только почувствовала, как тяжёлая, горячая ладонь легла мне на плечо. От неожиданности я закричала, схватила со стены медный ковшик и с разворота замахнулась.

Моё запястье перехватили. Крепко, но удивительно бережно. Я подняла глаза и утонула в золоте.

Кайдан стоял передо мной, удерживая мой локоть, и в уголках его губ плясала ироничная ухмылка.

— Что ж... Ковшиком меня ещё не пытались убить.

Я выдохнула, чувствуя, как силы покидают ноги.

— Ох, прости. Я не видела, что это ты...

— Астрид сказала, что ты здесь. Любезно впустила.

«Ну, Астрид, ну удружила...» — подумала я, поправляя выбившийся локон.

Сама не заметив, я нервно прикусила нижнюю губу. И тут же поймала своё отражение в тёмном стекле банки.

«Он сейчас подумает, что я с ним заигрываю. Дурацкая привычка из прошлой жизни...» — мысленно обругала я себя и поспешно облизнула губы, пытаясь сделать вид, что ничего не было.

Поздно.

Кайдан медленно провёл пальцами по своим волосам, убирая упавшую прядь, и в его глазах мелькнуло что-то, от чего мне стало жарко в холодном подвале.

Он заметил. Определённо заметил.

— Просто захотел тебя увидеть, — произнёс он глухо. — Проходил мимо и решил узнать, как ты после вчерашнего. Вечер был прохладным. Мало ли...

— Всё хорошо, — я нервно рассмеялась. — Вино меня достаточно согрело. Очень даже.

— Что ищешь? — он кивнул на пустые полки, ничего не сказав о моём смущении.

— Ваниль! — выпалила я первое, что пришло в голову.

Он прошёл вдоль стеллажей, и его широкая спина в полу-

мраке подвала казалась скалой, за которой можно укрыться от любой бури. Я смотрела на него, и на лице сама собой расплылась глупая, совершенно неуместная улыбка.

— Вот, — он протянул мне баночку. — Твоя ваниль.

— Спасибо.

— Всё в порядке? — он склонил голову, вглядываясь в моё лицо. — Я так сильно тебя напугал?

— Нет. Просто.. навались многое за последние дни.

* * *

Мы поднялись наверх. Астрид уже обслужила клиентку и теперь в наглуую подслушивала, стоя в проходе с полотенцем через плечо.

— Вам нужна помощь с продуктами? — спросил Кайдан, аккуратно перешагивая через разбросанные вещи Астрид.

— Нужна! — тут же вклинилась моя корыстная подруга, выныривая из-за угла, как акула на запах крови. — У нас как раз сода с мукой на исходе. И масло. И, может, ещё что-нибудь по мелочи.

Я хотела было выпихнуть Астрид в зал, но получила чувствительный тычок локтём под дых. Возражать не решилась — дышать было нечем.

— Договорились. Завтра зайду за тобой с утра.

Кайдан попрощался и вышел.

— Астрид! Я же просила!

— Что? Он сам предложил! Грех отказываться от бесплатной тягловой силы и кошелька.

— Я не хочу начинать отношения с ним с потребительства, — я осеклась, поняв, что только что ляпнула, и быстро выглянула в окно, проверяя, ушёл ли он.

— Ага! Значит, вы уже «встречаетесь»!

— Тише ты! Это был просто ужин.

— Так можно и всю молодость проужинать, — Астрид присела на стул, картинно свесив ногу. — Вы-то люди уже немолодые.

— Немолодые? Астрид, мне максимум двадцать пять!

— Вот я и говорю — старая уже. Полжизни, считай, за плечами.

— Астрид, пожалуйста, не проси у него больше ничего.

Она тяжело вздохнула и кивнула, но глаза её хитро блеснули.

Эта женщина явно имела планы на завтра развести его на говядину или персидский ковёр...

Глава 16

Кукушка вылетала в пять, привычно отбарабанив своё «ку-ку» и скрылась. Уголёк, окончательно сменивший фаворитку, дрых у Астрид на груди, разметавшись рыжим пушистым ковриком.

— Предатель, — прошептала я, но без злости, скорее с нежностью.

На столе, как в старые добрые времена, лежало письмо. Я развернула его, предвкушая новые рецепты и загадочные поручения.

«Сегодня оставьте Астрид за главную, а себе возьмите выходной. С уважением дом».

Надо же... Первый выходной.

— Мне кажется или кукушка стала позже нас будить? — сказала Астрид, зевая.

— Не кажется. Мы стали печь быстрее, вот и встаём позже.

Астрид пробежала глазами по записке и хмыкнула.

— Выходной, значит. А я?

— А ты работать. — Я похлопала сонную Астрид по плечу. — Удачи, босс, а я спать.

* * *

Проснулась я, когда часы показывали десять. Десять! В прошлой жизни я за это время успевала на работу доехать

и выпить две чашки кофе, а тут — просто спала. Как нормальный человек.

В лавке уже слышались шаги Астрид и звон монет — она вовсю торговала, успевая одновременно обслуживать покупателей и напевать что-то весёлое себе под нос.

После душа я позволила себе то, чего не было все эти дни, — ничего не делать. Пока покупателей не было, я взяла тёплый хлеб, масло и сделала себе кофе. С чувством абсолютно-го, космического счастья отправилась завтракать в постель.

Спустя полчаса Астрид заглянула в комнату, слегка постучав по косяку двери.

— Там к тебе пришли. И, судя по довольной физиономии за окном, это не покупатель.

Я быстро допила остатки кофе и вышла в лавку. Кайдан стоял на пороге — в простой рубаше, с лёгкой улыбкой и пустой корзиной в руках.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе, — пробормотала я, пока мои щёки стремительно краснели.

— Ты готова?

— Да.

Я вышла, прикрыла дверь. В окне мелькнуло лицо Астрид — она смотрела на нас с нескрываемым любопытством, показывая мне большие пальцы.

Рынок гудел. Торговцы выкладывали товар, перекрикивались, зазывали покупателей.

Кайдан шёл рядом, чуть впереди, прокладывая мне дорогу в толпе.

— Ты сегодня какая-то... — начал он.

— Какая?

— Спокойная.

— У меня за столько дней первый выходной, — призналась я. — И я наконец выпалась. Это почти чудо.

Он улыбнулся — и снова этот взгляд, скользнувший по моим губам. Я быстро переключилась на ближайшую лавку.

— О, давай туда ещё зайдём.

Я взяла его за рукав и потянула к прилавку. Нас встретила старуха с морщинистым лицом и быстрыми, ловкими руками — из тех, что всю жизнь проработали с землёй и травами. Она уже открыла рот для приветствия, расплылась в улыбке... и замерла. Её улыбка сползла мгновенно. Голова слегка склонилась, взглядом уперевшись в прилавок.

Я перевела взгляд на своего спутника. Тот как раз опускал зачем-то руку. Заметив, что я смотрю, он тоже склонил голову, изобразив на лице почтительную кротость.

Окинула его сверху вниз взглядом и сделала вид, что целиком поглощена выбором трав. Понюхала розмарин. Краем глаза уловила, как Кайдан поднёс к носу какую-то веточку, вдохнул с безмятежным видом и положил обратно.

Старуха же всё ещё мялась, не смея поднять глаз, но и без слов понятно, по её трясущемуся телу — она боится.

«Кто же ты такой, что даже местные торговки готовы

сквозь землю провалиться при виде тебя?»

Чтобы разрядить обстановку, я указала на пушистые веточки с мелкими цветами.

— А это что?

— Лаванда, госпожа, — выдохнула травница, явно радуясь возможности хоть что-то сказать. — Для сна. Под подушку положите и сладкие сны увидите.

Я взяла пучок, поднесла к лицу. Терпкий, успокаивающий аромат на секунду перебил напряжение, висевшее в воздухе. И тут Кайдан наклонился ближе — его лицо оказалось совсем рядом с моим, так что я почувствовала тепло его дыхания на своей щеке.

Я дёрнулась, едва не выронив лаванду. Он поймал её на лету, и наши пальцы соприкоснулись. Я выхватила пучок, сунула в корзину и отвернулась.

— Что-то ещё?

— Нет, спасибо.

Мы вышли на улицу, оставив травницу за спиной.

Я спиной чувствовала, как она наконец-то выпрямилась и выдохнула.

— Ты заметил, как она странно себя вела?

— Нет, — ответил он спокойно и даже плечами пожал.

На его лице не дрогнул ни единый мускул, только в уголках губ мелькнула ленивая, едва заметная улыбка, будто мой вопрос его позабавил.

У прилавка с фруктами я остановилась, выбирая яблоки.

Протянула руку к самому красивому — красному, с глянцевым бочком. Кайдан вдруг взял меня за запястье.

— Этот, — сказал он, показывая на яблоко поменьше, с лёгкой зеленцой.

— Почему?

— Красные только выглядят красиво. А сладость — у этих.

Я посмотрела на него с подозрением, но взяла те, что он показал. Надкусила. Яблоко оказалось сладким, с лёгкой кислинкой, сочным.

— Откуда ты знаешь? Раньше торговал что ли? — спросила я с набитым ртом.

— Нет, просто живу здесь достаточно долго.

Он улыбнулся, и я снова поймала себя на мысли, что эта улыбка очень даже идёт ему. Слишком идёт.

Мы купили яблок. Я уже хотела повернуть домой, когда Кайдан остановил меня.

— Сейчас время обеда. — Он кивнул в сторону улицы, где виднелась вывеска с золотым кувшином. — ты не голодна?

Я хотела отказаться. Хотела сказать, что нам пора. Но живот предательски уркнул, а он как на зло услышал.

— Пойдём. Я знаю тут одно хорошее местечко.

Заведение, куда он меня привёл, оказалось совсем не похоже на те таверны, где я кормилась раньше. Здесь всё было дорого-богато. И на удивление очень чисто.

— Здесь слишком дорого, — сказала я, когда нам принес-

ли меню. Я открыла книжечку с ценами и закрыла её. — Я не смогу здесь расплатиться.

Он положил свою руку на мою, останавливая.

— Я пригласил, — сказал он. — Я и угощаю.

— Мне неудобно. Ты и так много делаешь для меня...

— Хайди, — он убрал руку, откинулся на спинку стула. И в этом движении было что-то царственное — так откидываются не купцы, а те, кто привык, что мир принадлежит им. — Я хочу тебя угостить. Позволь мне это сделать.

— Тогда хотя бы позволь мне заплатить за чаевые.

— Чаевые?

— Как комплимент за хороший обед.

— Чаевые здесь не принимают. Только если ты не хочешь смертельно оскорбить хозяйку.

Я замолчала. Смертельно оскорбить? В тавернах медяки кидали на стол не глядя, а здесь — смертельно оскорбить?

Официантка при виде него едва не выронила поднос, а хозяйка заведения — дама в перчатках — отвесила нам (или ему?) едва заметный поклон. Я быстро посмотрела на него. Тот сидел и делал вид, что увлечён меню.

Женщина в шляпе что-то шепнула официантке — та кивнула и бросила на нас короткий взгляд, прежде чем уйти.

— Добрый вечер. Что будете заказать? — Она обращалась в основном ко мне, стараясь не смотреть на Кайдана.

— Заказывай, что пожелаешь. — Сказал он не отрываясь от меню. — Здесь подают превосходную куропатку.

— Тогда буду её. — Я передала меню девушке, та была бледная вся и её руки тряслись. Я хотела спросить, что с ней, но следом сделал заказ Кайдан.

— Мне тоже самое и бутылку вина. Хозяйка знает какого. — Он передал ей меню в руки, она поклонилась ему и мне и удалилась.

Женщина в шляпе сразу оставила нашу официантку. Выслушала её, кивнула. Бросила короткий взгляд на нас и удалилась куда-то в подсобку.

— А ты знаком с хозяйкой?

— Я со всеми местными управленцами знаком. Даже с очаровательной хозяйкой лавки пряностей. — Он постучал ногтём по столу. — Я кстати всегда хотел спросить, почему пряностей, если вы продаёте сладости?

— Мы в некоторые ингредиенты добавляем специи, что придаёт определенный пикантный вкус.

— Необычно.

— Меня ты тоже пригласил сюда, чтобы познакомиться поближе как с хозяйкой лавки?

Его пальцы замедлились и он улыбнулся.

— Я с тобой познакомился ещё до того, как ты стала хозяйкой. — Он игриво подмигнул.

— Что ж, это приятно слышать.

Еду принесли довольно быстро. Бокалы нам принесли необычные. Они были с золотым узором, а судя по тяжести — настоящее золото.

Я оглянулась по сторонам. У всех были обычные бокалы. А бутылка, из которой разливалось, была очень старой — на ней едва виднелась вытертая пыль.

Куропатку я никогда не ела и в своём мире. А тут приготовлена настолько хорошо, что корочка едва хрустела на губах, но при этом была мягкой и нежирной.

«Если я вернусь когда-нибудь в свой мир, обязательно попробую где-нибудь такую птицу в ресторане».

Когда мы доели, я вытерла губы салфеткой и посмотрела на него. Он положил три золотых монеты на стол. Помог мне подняться и мы вышли. Дама в шляпе всё время наблюдала за нами, и когда мы выходили, она слегка поклонилась со всем персоналом.

«Есть разница есть в обычной таверне и в таких дорогих заведениях».

Уже у лавки он мягко притянул меня к себе.

— Позволишь тебя поцеловать?

— Кайдан, я думаю, что девушка из лавки пряностей тебе не...

Я не успела договорить.

Его губы накрыли мои — горячие, с привкусом вина. Я мягко отстранилась, прикусывая нижнюю губу и прерывая поцелуй. Его радужка вспыхнула золотом, а на лице появилась лёгкая усмешка.

— Я так ужасен?

Я прикрыла рот ладонью, чувствуя, как учащается дыха-

ние.

— Это просто... неожиданно. И...

Он не дал мне договорить. Ладонь скользнула за мою шею, пальцы слегка вплелись в волосы у затылка, не отрывая взгляда от моих губ.

— Мне понравилось, — тихо призналась я.

На этих словах он улыбнулся шире и снова наклонился. На этот раз, его губы накрыли мои жёстче, увереннее. Я открыла рот, и его язык медленно скользнул внутрь. Я ответила, прижимаясь ближе, чувствуя, как его горячая ладонь сильнее притягивает меня к нему.

В первый раз за все мои жизни поцелуй был настолько глубоким и голодным, что тело отзывалось само, без мысли. Я тихо выдохнула ему в рот, когда он слегка прикусил мою нижнюю губу, а потом снова углубил поцелуй, уже не скрывая желания.

Он отстранился медленно, проводя языком по своим губам. В уголках глаз образовались морщинки.

— Этот был лучше?

Я застонала. От желания. От страха. Потому что я переставала его бояться, а это было самым опасным.

И просто кивнула в ответ.

— Сегодня вечером я зайду за тобой. Не против?

— Нет... — выдохнула я, ненавидя себя за то, как быстро сорвался ответ.

Он занёс корзинку в лавку, попрощался и вышел слегка

хлопнув дверью.

Астрид требовательно постучала ноготком по столу.

— А он не хочет случаем тебя осчастливить и купить нам ещё одну кровать?

— Астрид!

— Молчу, молчу. — Она подняла руки вверх. — Я просто о вас в первую очередь думаю. О вашем удобстве. И о том, что если вы будете часто целоваться, то вам понадобится больше личного пространства.

Я кинула в неё пучок мяты. Она ловко увернулась и смеясь ушла в подсобку.

«Хайди, ты целуешь человека, который, возможно, убил женщину, в теле которой ты живёшь. И тебе это нравится. Что с тобой, чёрт возьми, не так?»

Глава 17

К вечеру я перебрала весь свой скудный гардероб.

Зелёное платье — слишком простое. Штаны и рубашка, которые он подарил, — в них я буду выглядеть как парень. Синее, купленное на рынке, — ещё хуже.

— Ты чего там шуршишь? — крикнула Астрид из лавки.

— Не знаю, что надеть!

Она появилась в дверях, окинула меня взглядом и покачала головой.

— У меня кое-что есть для тебя.

Она достала из-под шкафа свёрток, перевязанный красивой лентой, и протянула мне.

— Вот, возьми это.

— Это откуда?

— Постоянная покупательница. Она швея. Я попросила сделать кое-что специально для тебя. Хотела подарить позже, но...

Я не дала ей договорить и обняла её.

— Ты моя спасительница. Без тебя я бы вышла на свидание в фартуке.

Я быстро развязала ленту. Внутри лежало платье — красное, из мягкой, струящейся ткани, которая стекала сквозь пальцы, как вода. Длинные рукава, вырез, открывающий ключицы. Рядом — туфли. Лёгкие, на небольшом каблуке,

такого же глубокого красного цвета.

— Астрид... — выдохнула я.

— Красиво, — тихо сказала она. — И тебе идёт. В нём ты будешь выглядеть как минимум виконтесса.

— Спасибо. Правда. Я... не знаю, что сказать.

— Ничего не говори. — Она махнула рукой. — Ты для меня сделала намного больше.

Астрид вышла, чтобы я могла переодеться. Я распустила волосы.

«Да, Роза, ты просто великолепно. Жаль, что ты умерла такой молодой. И жаль, что теперь я ношу твою красоту вместо тебя».

Уголёк подошёл и упал мне под ноги, перевернувшись на спину.

— Как думаешь, у них с Розой всё было серьёзно так?— я пожаткала его пузико.

Уголёк от удовольствия стал перебирать лапками в воздухе.

— Это так просто странно. Он знает, что я не Роза, но в итоге хочет... — Я замолчала резко.

А чего он хочет? Убить, отомстить? Роза ему причинила какую-то боль. Он зол на неё и по всей видимости и влюблён одновременно.

—Совокупиться хочет с тобой он.

— Боже, Уголёк, прекрати. — Я встала и поправила платье. — Нужно как-то аккуратно спросить у него про Розу.

* * *

Уже темнело. Кайдана всё не было. Я ходила кругами по лавке и не находила себе места.

— Может он тебе предлагал встретиться завтра?

— Нет. Он сказал чётко вечером... Просто вечер понятие растяжимое...

— Растяжимое, но уже лавка закрывается скоро. Он ночью поведёт тебя гулять что ли?

В дверь постучали. Я облегчённо выдохнула и открыла дверь. Но на улице никого не было.

— Кайдан? — спросила я в пустоту.

Я посмотрела на порог, на нём лежал один тюльпан и письмо, привязанный к цветку красной ленточкой. В груди затаилось что-то колкое. Аккуратно подняла оставленное и занесла в лавку, закрыв её на щеколду.

— Ты чего? Мы же вроде сегодня до поздна... — Астрид замолчала глядя на цветок и письмо.

Я развернула лист.

«Дорогая, Хайди. Меня вызвали во дворец по службе. Прости, нам придётся перенести нашу встречу. С уважением Кайдан».

Я швырнула письмо на стол вместе с цветком и поплелась к кровати. Астрид схватила листок, пробежала глазами и грязно выругалась.

Я скинула красное платье на пол, накинула домашнее тряпье и рухнула в постель. Великолепие так и осталось лежать

на полу — как знак вопроса. Или как разочарование.

— Зато выплусь, — сказала я коту, который явно не ждал моей тушки в такое время.

Уголёк посмотрел на меня своим кошачьим осуждением и продолжил вылизываться.

— Не расстраивайся. Он тебя так целовал, что...

— Ты видела? — Я повернулась к Астрид, которая стояла уже в проходе.

— Ну... там тяжело было не увидеть...

— Какой позор. — Я хлопнула себя ладонью по лицу. — Покупатели тоже, наверное, видели. Чем я вообще думала, целуя его у лавки?

— Не головой, — вставил свои пять копеек Уголёк.

Ой, не по-доброму я на него посмотрела. Ой, как не по-доброму. А этот комочек шерсти ещё и чихнул, словно издеваясь.

— Подумаешь покупатели.

— Я всё ещё не могу забыть, как он с моим мёртвым телом спал...

— С м-мёртвым?

«Зря я это лягнула».

— Астрид, давай не сейчас, — застонала я и накрыла голову подушкой.

— Он же служит королеве, может, приказ был. Или что-то срочное. Он же не трактирщик, чтобы иметь свободный вечер.

Астрид ушла убирать и намыывать зал. Я сама не заметила, как уснула, поглаживая мягкую шерсть Уголька.

* * *

Утро.

Из-за того, что легла рано, проснулась в пять сама. Будить Астрид не стала. Пошла готовить одна.

Мысль о вчерашнем поцелуе не выходила из головы.

«С такими глазами и голосом кто угодно растает».

Я всыпала муку в миску с большей силой, чем нужно. Пока месила тесто, проснулась моя напарница.

— Ты чего меня не разбудила?

— Я рано проснулась, а ты любишь поспать. Вот и дала тебе возможность отдохнуть немного подольше.

— Кофе будешь?

— Да, пожалуй. И лучше покрепче. У меня сегодня день самоедства намечается.

Пока Астрид готовила кофе, я поставила в печь первую порцию лепёшек.

— А куда ты поставила посыпку?

— Ой...

— Что ой?

— Я вчера забыла сказать... — Астрид аккуратно протянула мне чашку. — Рынки скоро откроются, я схожу...

— Я сама, — решительно сказала я. — Заодно и на завтрак что-нибудь куплю.

И мысли в порядок преведу...

* * *

На рынке было странно пусто. Для утреннего часа — почти безлюдно. Обычно здесь толкотня, как в метро в час пик.

Купила пару колбас, хлеб и яйца. Посыпку пришлось поискать. Пока я пыталась понять, чем белая отличается от такой же, только в другой упаковке, к продавцу подошёл мужчина. Он отвлёкся. Краем уха я уловила их разговор:

— Вчера была поставка?

— Нет, господин, только сегодня после обеда в порт корабль зайдёт. Дай Бог привезут к утру.

— Долго...

Я повернулась к продавцу и столкнулась с этим мужчиной лицом к лицу. И это было моей ошибкой. Роковой ошибкой.

— Роза?

Я попятилась. Медленно, не отрывая от *него* взгляда.

Один шаг. Второй. Третий.

— Нет, вы ошиблись.

Кинула серебряную монетку продавцу и поспешила прочь.

— Роза, стой!

Я прибавила шагу. Он двинулся следом. Пришлось почти перейти на бег и накинуть капюшон. Он тоже ускорился. Я побежала. Изо всех сил.

«Вот какого чёрта ему здесь нужно?».

Я завернула за угол и врезалась в кого-то так, что ноги разъехались. Я рухнула прямо на булыжники.

Больно.

Колено, ладони, гордость — да всё сразу.

— Помогите! — закричала я, даже не успев поднять голову. — Нас...

Тёплая широкая ладонь закрыла мне рот.

Меня подняли одним движением, втащили в тёмный проем между домами и прижали спиной к стене.

Я рванулась. Укусила ладонь и попыталась ударить коленом.

— Да тихо ты, — прошипел голос над ухом.

Я замерла.

Жёлтые глаза смотрели на меня сверху вниз — удивлённо, почти растерянно. Кайдан держал меня одной рукой за плечо, другой всё ещё закрывал рот.

— Ты кричишь «помогите» на меня? Серьёзно?

Я выдохнула носом. Он осторожно убрал руку.

— Ты какого чёрта так пугаешь?!

— А ты от кого убегаешь?

— От совести твоей вчерашней, — огрызнулась я на него, вырываясь из его лапищ.

— Я просил передать тебе письмо. Ты не получила?

— Получила.

Я скрестила руки и обиженно отвернула голову в сторону.

За спиной Кайдана, стоял уже Фенх. Он осматривал место моего падения.

— Тогда почему ты злишься?

— Потому что я вчера хотела здесь *это*.

Я схватила его за ворот и притянула к себе, целуя жёстко, почти зло.

Он на секунду замер — а потом ответил с такой силой, что я пискнула от нехватки воздуха. Его руки скользнули по моим бёдрам, сжали, и он поднял меня, прижав спиной к холодной стене. Я обвила его ногами, пока его язык жадно исследовал мой рот.

Фенх взглянул в нашу сторону, но широкая спина Кайда-на полностью скрывала меня. Он развернулся и ушёл в другую сторону.

Как только он ушёл, я отстранилась и требовательно постучала по спине, чтобы меня опустили вниз.

— Давай сейчас поедem к водопадам, — прошептал он, целуя уже не губы, а шею. — Найду лошадей. Поедем куда захотим. И будем останавливаться в каждом безлюдном месте, какое найдём.

Его руки скользнули под моё платье, оттягивая моё бельё вниз.

— Мне пора, — коротко бросила я и мягко, но твёрдо выставила руку вперёд.

Это помогло и он опустил меня. Я не видела лица, но чувствовала — он удивлён. И всё равно пошёл за мной.

Я затылком ощущала, как он сверлит меня тяжёлым, почти грязным взглядом.

А впереди снова появился Фенх. Он стоял спиной к нам

и о чём-то спрашивал прохожих.

Я схватила Кайдана за руку и снова завернула в переулок. Его ладонь была такой горячей, что я тут же выпустила её и посмотрела на свою. На коже остался красный след, словно от ожога.

— Ты обжёг меня... — Я сделала шаг назад и упёрлась в стену. — Ты кто такой?

— Человек, — невинно поднял он руки. — Ты, видимо, когда упала, повредила ладонь. Дай посмотрю.

Он нежно взял мою руку и мягко поцеловал покрасневшее место. Я хотела отдёрнуть — но не смогла.

— Я видела, как ты выпускаешь пламя изо рта.

Он рассмеялся, а я внезапно почувствовала себя дурой.

— Это издержки моей... работы. Не хотел тебе говорить. Думал, посчитаешь занятие унижительным. Я при дворе своего рода... фокусник. Огонь изо рта — лишь малая часть представления.

Я выдохнула и закрыла глаза.

— Прости, — сказала, открывая их и изображая виноватую улыбку. — Воображение разыгралось.

Улыбка с его лица исчезла. Он смотрел мне в глаза, иногда опуская взгляд на губы.

— Ты поранила коленку. Отнести тебя до лавки?

— Отнести? Нет. Спасибо. — Я отошла чуть в сторону. — Если хочешь — проводи.

Он протянул руку, и мы вместе вышли из переуллка.

Всю дорогу я воровато оглядывалась по сторонам, сжимая в кармане посыпку. Фокусник начал коситься на мой карман.

— Тебе нужны деньги? — вдруг спросил он.

Моя ладонь начала гореть, как и мои глаза с щеками.

«Господи, он подумал, что я что-то своровала. Какой позор!»

— Нет. Лавка достаточно приносит. Спасибо.

Мне хотелось провалиться сквозь землю.

Когда мы дошли до лавки. Я только махнула ему рукой и нырнула внутрь, даже не сказав «пока».

Он остался за дверью, провожая меня взглядом через стекло.

Глава 18

— Какой позор... — прошептала я, подставляя обожжённую ладонь под струю ледяной воды. Холод немного унимал жжение, но не стыд.

Астрид заглянула в ванную, подозрительно сощурившись.

— Всё хорошо? Ты чего такая исцарапанная? С диким енотом боролась, что ли?

— Упала, когда убегала от «старого знакомого».

— Не того ли случаем статного блондина? — Астрид поморщилась. — Он что, преследует тебя?

— Вроде того. Просто если увидишь его — меня нет, а хозяйка лавки в отъезде.

— Может ты расскажешь Кайдану об этом?

— Нет. — Я обмотала руку тряпкой. — Ему тем более нельзя знать о нём.

Астрид кинула на меня недоверчивый взгляд. В лавку кто-то вошёл, и она молча вышла.

Уголёк лениво вошёл и плюхнулся на пол — растягиваясь.

— Фенх нашёл меня на рынке. Прямо у прилавка с посыпкой. Романтичнее не придумаешь.

— Это нехорошо.

— Знаю. Что делать? Кайдан ещё сказал мне, что он при дворе что-то типо фокусника. Мол он устраивает шоу с огнём.

— А тебя не смущают его глаза?

— Меня всё смущает. — Я села на пол, поджав колени.

— Ещё и коленки стёрла, когда упала.

Кот сел и согнулся, глядя на меня сверху вниз.

— Не выходи никуда. Или выходи рано утром, или ночью.

Будешь прятаться здесь. Астрид прикроет. При свидетелях он тебя снова не убьёт. Можем попросить фокусника переехать к нам для охраны.

— Нет. Мы сами справимся.

Я обработала царапины. Астрид почти всю выпечку взяла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.